

Дж. Р. Р. Толкин

ДВЕ КРЕПОСТИ

*Вторая часть
«Властелина Колец»*

Иллюстрации Дениса Гордеева

Властелин Колец (иллюстрированные издания)

Джон Толкин
Две крепости

«АСТ»

1954

УДК 821.111313.2
ББК 84(4 Вел)44

Толкин Д. Р.

Две крепости / Д. Р. Толкин — «АСТ», 1954 — (Властелин
Колец (иллюстрированные издания))

ISBN 978-5-17-089238-9

Трилогия «Властелин Колец» – одна из тех великих книг, встреча с которыми становится Событием. Эпическая красота повествования, вечная тема борьбы Добра и Зла, большой, подвиг маленького героя и, самое главное, – тот фантастический, и вместе с тем удивительно реальный мир, в котором хочется остаться навсегда. Издание, которое вы держите в руках, выполненное в переводе Владимира Грушецкого и Наталии Григорьевой и оформленное знаменитым художником Денисом Гордеевым, – не просто книга на все времена, не просто культовое фэнтези от одного из самых известных писателей, но произведение искусства, сочетающее в себе волшебство слова и рисунка.

УДК 821.111313.2
ББК 84(4 Вел)44

ISBN 978-5-17-089238-9

© Толкин Д. Р., 1954
© АСТ, 1954

Содержание

Книга III	6
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	29
Глава IV	40
Глава V	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джон Толкин
Властелин Колец. Вторая
часть. Две крепости

© The Trustees of The J.R.R. Tolkien, 1967 Settlement 1954, 1966

© Перевод: Н. Григорьева, В. Грушецкий

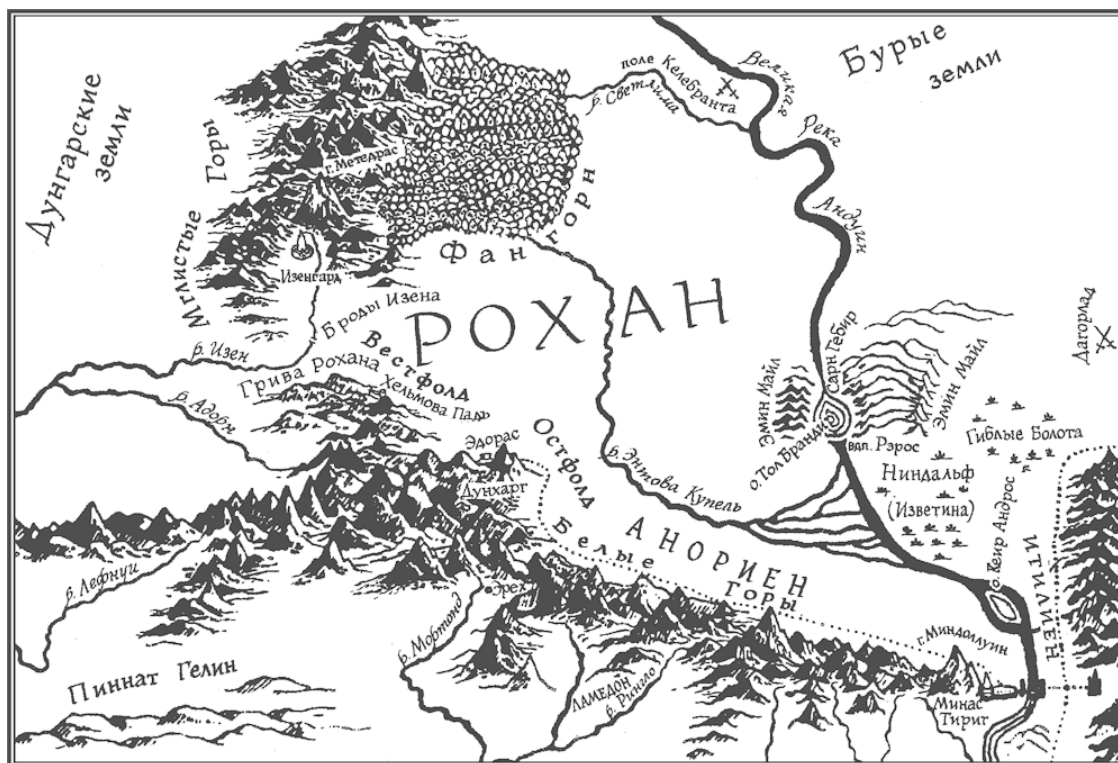
© Перевод стихов: И. Гриншпун

© Иллюстрации: Д. Гордеев

© ООО «Издательство «АСТ», 2015

* * *

Книга III

Глава I

Смерть Боромира

Арагорн бежал вверх по склону, часто наклоняясь и внимательно осматривая землю. Шаг у хоббитов легкий, почти как у эльфов, и даже Следопыту нелегко было разглядеть их следы. Невдалеке от вершины тропу пересекал ручей, и на влажной земле Арагорн наконец заметил то, что искал.

– Я был прав, – сказал он себе. – Фродо поднимался на холм. Поднялся, что-то увидел и спустился почти тем же путем.

Он постоял в нерешительности: идти вверх к дозорной беседке или спускаться. Время подгоняло, и он устремился вперед, достиг вершины, сел в караульное кресло и огляделся вокруг. Но мир предстал перед ним не ясным и безграничным, а туманным и серым. Солнце словно потускнело. Арагорн внимательно осмотрел горизонт, но ничто не привлекло его внимания. Лишь очень далеко на севере медленными кругами парила большая птица, похожая на орла.

В этот миг чуткое ухо Следопыта уловило неясные крики внизу, на западном берегу Реки. К своему ужасу, он различил среди них хриплые голоса орков. Затем все покрыл громоподобный зов большого рога, эхом раскатившийся по окрестным холмам, перекрывший даже рокот водопада.

– Рог Боромира! – вскричал Арагорн и огромными прыжками помчался вниз с холма. «Что за несчастный день сегодня, – думал он на бегу, – что я ни делаю, все не так! Однако куда же подевался Сэм?»

Крики были слышны все громче, а рог, наоборот, все слабее и отчаяннее. Вопли орков перешли в яростный визг, звук рога вдруг оборвался. Сразу вслед за этим смолкли и голоса. Выхватив меч, Арагорн еще быстрее помчался сквозь лесную чащу.

Боромира он нашел почти в миле от Порт Галена, на поляне, недалеко от берега. Он сидел, прислонившись к дереву, и, казалось, отдыхал. Но увидев сломанный меч, разрубленный рог, множество черных стрел в теле гондорца и трупы орков вокруг, Арагорн все понял. Когда он опустился на колени подле воина, Боромир открыл глаза и с трудом проговорил:

– Я хотел отнять Кольцо у Фродо. Я раскаиваюсь. Это – расплата, – он словно пересчитал глазами трупы врагов. Их было не меньше двадцати. – Полуросликов нет. Орки схватили их, связали, но не убили. – Он устало прикрыл глаза и через минуту продолжал: – Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит, защищай мой народ. Я побежден.

– Нет, – горячо ответил Следопыт, взяв воина за руки и поцеловав его в лоб, – ты победил. Немногим выпадала на долю такая победа. Будь спокоен. Минас Тирит не покорится врагу.

Тень улыбки промелькнула на бледном, без кровинки, лице Боромира.

– Куда ушли орки? Фродо с ними? – допытывался Арагорн, но Боромир не отвечал больше. Плечи Следопыта поникли. – Наследник Денетора умер, – произнес он, и странно прозвучал в тишине его голос. – Нет больше Стража Белой Башни. И нет нашего отряда. Это моя

вина. Напрасно, Гэндальф, ты понадеялся на меня. Куда теперь идти? В Минас Тирит, как завещал этот воин и как говорит мое сердце? Но как же Кольцо и Хранитель? Как найти, как спасти его?

Таким, на коленях, склонившимся в слезах над Боромиром, застали его Леголас и Гимли. Они бесшумно спустились с западного склона горы. Гном сжимал топор, а эльф вытащил кинжал – стрел у него больше не было. На поляне они остановились в изумлении и скорби: обоим было ясно, что произошло.

Леголас подошел к Арагорну, опасаясь самого худшего.

– Мы гнали их по лесу и многих убили. Почему нас не было здесь?! – воскликнул он. – Рог позвал нас, но поздно. Вы ранены, друг мой?

– Боромир убит, – глухо ответил Арагорн, – а я не ранен, он принял бой один. Я был наверху, а он пал, защищая наших друзей.

– Где же хоббиты? Где Фродо? – спросил Гимли.

– Не знаю. Боромир, умирая, сказал, что орки схватили их, но не убили. Я послал его охранять Мерри и Пиппина, а о Фродо он уже ничего не успел сказать. Что бы я ни делал сегодня, все не так! – в сердцах воскликнул Следопыт, – а как поступать теперь, и вовсе не знаю.

– Сначала похороним павшего, – ответил Леголас. – Нельзя оставлять его рядом с гнусными орками.

– Нужно спешить, – добавил Гимли. – Если хоббиты живы, надо догнать орков и отбить наших друзей.

– Но мы не знаем, что с Фродо. Какой трудный выбор нам предстоит! Искать его или спешить на помощь Мерри и Пиппину?

– Сначала – самое главное, – ответил эльф. – Надо сделать хотя бы холм из камней над могилой храброго воина.

– Нет, – решительно возразил Арагорн, – здесь нет камней, и мы поступим иначе. Вверим тело Андуину. Великая Река сама позаботится о нем, и ни одна гнусная тварь не осквернит его праха.

Втроем они собрали мечи орков, разбитые шлемы и щиты. Получилась большая груда.

– Смотрите! – вскрикнул вдруг Арагорн и поднял с земли два коротких меча с красной и золотой насечкой, а потом еще черные, в мелких яхонтах, ножны. – Это оружие наших хоббитов. Орки не посмели тронуть нуменорские клинки – на них губительные для Мордора чары. Значит, если хоббиты живы, то безоружны. Я возьму все это с собой и постараюсь вернуть владельцам.

– Мне нужны стрелы, – сказал Леголас, – у меня нет ни единой, а здесь их предостаточно.

Но первая же стрела, которую он поднял, заставила его задуматься, потому что обычно стрелы орков были короче и сделаны иначе.

Арагорн, приглядевшись к убитым, заметил:

– А ведь здесь не только воины Мордора. Насколько я знаю орков, эти пришли с севера, от Мглистых Гор, а вот эти до сих пор мне не попадались. И оружие у них совсем иное.

Среди убитых было четверо воинов, обличьем совсем не схожих с орками: высокие, с крупными чертами лица и раскосыми глазами. Мечи их были широкими и прямыми, тогда как орки признавали только кривые ятаганы. Самшитовые луки были такими же, как у людей. На щитах странный герб – белая рука на черном поле, а на шлемах – руническое «С» из белого металла.

– Что бы это могло значить? – пробормотал Арагорн. – Я никогда не видел таких знаков...

– Все понятно, «С» – это Саурон, – объяснил Гимли.

– Но Саурон не пользуется эльфийскими рунами, – возразил Леголас.

– Как и своим именем, – добавил Арагорн. – И он не терпит белого цвета. Орки Барад Дура носят знак Багрового Ока. – Он задумался. – «С» – это Саруман! Значит, Изенгард охвачен тьмой, и Западу грозит опасность. Этого и боялся Гэндальф. Значит, Саруман знает о нашем походе, а может, и о гибели Гэндальфа. Саруману служат даже птицы, ему многое ведомо. А морийские орки, видно, обогнули Лориен и все время шли за нами, пока не повстречались с изенгардскими.

– Нам некогда разгадывать загадки, – прервал его Гимли. – Давайте отнесем Боромира.

– Если мы хотим сделать правильный выбор, то подумать над загадками все-таки придется.

– Может быть, правильного выбора и вовсе нет, – с горечью произнес гном.

Они срубили несколько жердей, связали их тетивами, сверху набросили плащи. Уложили на носилки тело Боромира и отнесли на берег Реки. Сюда же принесли принадлежащие ему трофеи. Арагорн остался у воды, а Леголас и Гимли поспешили к Порт Галену, где остались лодки, и спустя некоторое время подогнали их к стоянке.

– Чудеса какие-то! – еще с реки крикнул Леголас. – Третьей лодки нет.

– Орки там побывали?

– Да непохоже. Если бы они нашли лодки, то уничтожили бы и вещи.

– Надо будет внимательно все осмотреть, когда вернемся туда, – сказал Арагорн.

Они грудой свалили на дно лодки мечи и шлемы врагов и уложили Боромира на это боевое ложе, подложив ему под голову свернутый плащ. В ногах положили разрубленный рог и сломанный меч. Потом, ведя погребальную лодку на буксире, поплыли вдоль берега, пока не миновали зеленый луг Порт Галена, после чего перерезали веревку, связывавшую обе лодки.

С рассыпанными по плечам темными кудрями, сверкая золотым лориенским поясом, Боромир лежал спокойный и светлый, и Андуин уносил его, пока они удерживали свою лодку против течения. Отвесные скалы Тол Брандира сверкали в лучах полуденного солнца. Неумолчно шумел Рэрос. Золотая дымка водяных брызг стояла над ним. Лодка Боромира темной точкой мелькнула в этом сиянии и исчезла.

Река унесла сына Денетора, правителя Гондора, и больше уже никто и никогда не видел его стоящим на вершине Белой Башни. Но и много лет спустя в Гондоре рассказывали, как эльфийская лодка с телом Боромира спустилась по водопаду, миновала Остилиат и мосты на Реке и ушла в Великое Море.

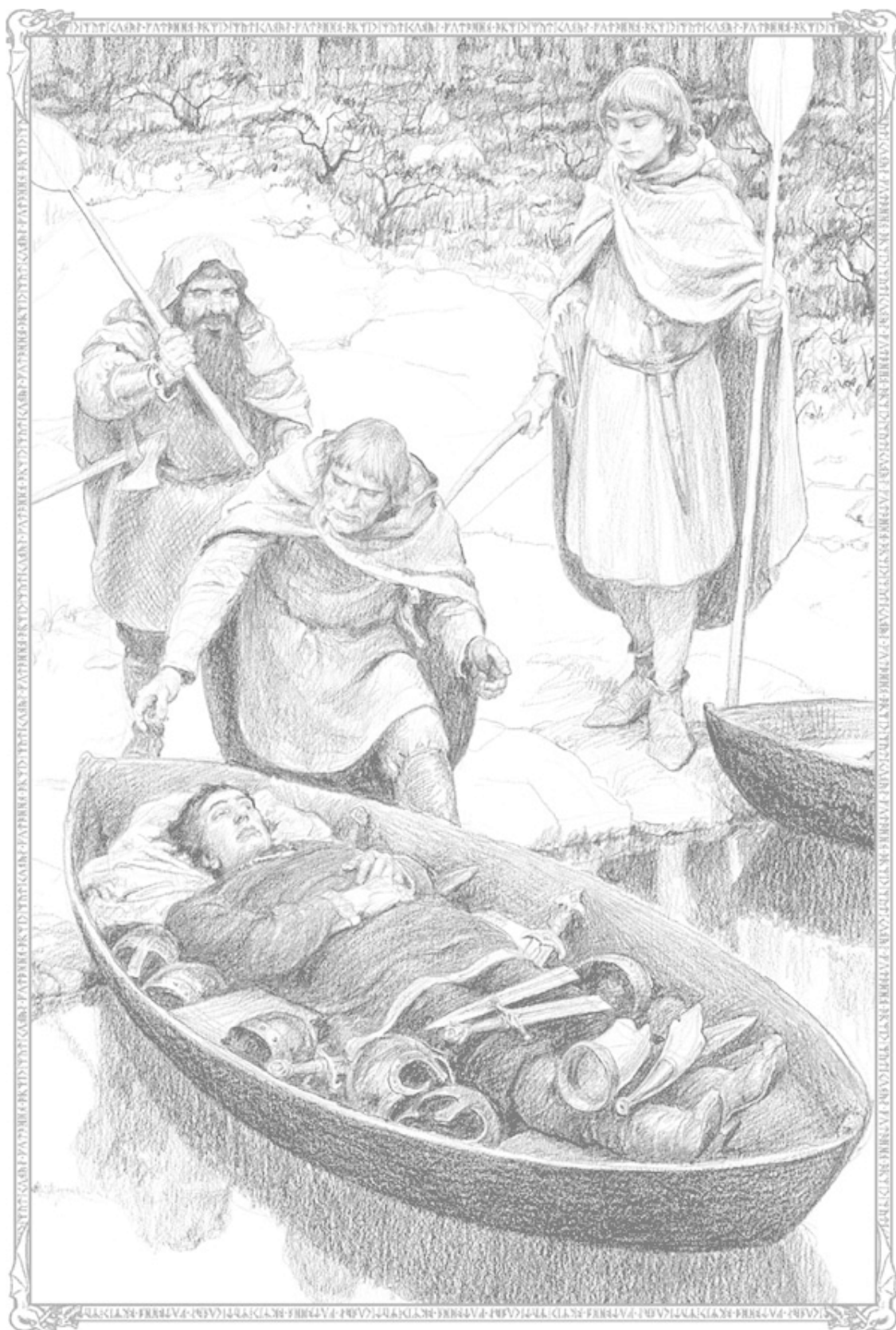
Все трое долго смотрели ей вслед. Первым нарушил молчание Арагорн:

– Стражи Белой Башни будут ждать его, но он не вернется ни с гор, ни с моря.

Он помолчал с минуту и негромко запел:

*Из дальних пределов, с бескрайних равнин,
с бездонных слепых болот
Приносится Западный Ветер, кружа,
и в древние стены бьет.
О ветер бродячий! Какая весть летит
на твоих крылах?
Где странствует ныне герой Боромир?
в каких безвестных краях?
– Я видел: скакал он чрез семь стремнин
бурлящей седой воды.
Я видел: в сыпучих песках пустынь
остались его следы.
Он скрылся на север, и с этих пор*

*я видеть его не мог.
Но Северный Ветер, быть может,
слыхал героя стозвонный рог?
О Боромир! С высокой стены я взор
устремляю вдаль.
Но ты не вернулся с пустынных земель,
и в сердце моем печаль.*

Следопыта сменил высокий и чистый голос эльфа:

*С горячих и вспененных губ морских,
от дюн, чей песок палящ,*

*Приносится Южный Ветер, и в нем –
тоскующих чаек плач.
О стонущий ветер! Какая весть сегодня
пришла с тобой?
Где странствует ныне герой Боромир?
Вершит ли жестокий бой?
– Увы, мне неведом героя путь.
Но горы недвижных тел
На белых и черных морских берегах я видел,
пока летел:
Их много легло по пути на юг –
искателей светлых вод...
Но Северный Ветер, быть может,
тебе счастливую весть несет?
О Боромир! К дороге на юг я взором
своим приник,
Но слышу лишь шелест печальных волн
и чаек тревожный крик.*

И снова пел Арагорн:

*Из северных стран, где Врата Королей,
где в бездне шумит поток,
Приносится Северный Ветер, трубя в холодный
и чистый рог.
О ветер могучий!
Какую весть сегодня принес ты мне?
Где странствует ныне герой Боромир?
Быть может, в твоей стране?
– Я видел, как вел он неравный бой,
я слышал призывный клич.
Я видел, как злая рука врага сумела его настичь...
И тело его приняла вода, умчав похоронный челн...
Героя укрыл Золотой Водопад в дыханье
летающих волн.
О Боромир! Я смотрю туда, где ты погрузился
в сон.
Я там, где поет Золотой Водопад –
с тобой до конца времен...*

Песня кончилась. Друзья повернули лодку против течения и вернулись к Порт Галену.

– Восточный ветер вы оставили мне, – нарушил молчание Гимли, – но что о нем скажешь?

– Все свершилось как должно, – ответил Арагорн. – В Минас Тирите терпят ветер с Востока, но о вестях не спрашивают. Что ж... путь Боромира завершен, а наш еще даже не выбран...

Выйдя на берег, Арагорн тщательно осмотрел зеленый луг.

– Орков здесь не было, – уверенно заявил он. – Много наших следов, но возвращался ли кто-нибудь из хоббитов, я не знаю.

Однако у самого берега, там, где в Андуин впадал ручеек, он оживился.

– Вот здесь один из наших друзей входил в воду, а потом вышел, вот только когда? – Он вернулся к стоянке и внимательно осмотрел поклажу.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Гимли.

– Двух сумок нет. Одна, побольше и потяжелее, Сэмова. Вот и ответ. Фродо ушел на лодке вместе с Сэмом. Думаю, что Фродо вернулся, когда никого из нас не было. Я велел Сэму идти за мной, но он, видно, не послушался, потому что догадался о намерениях Фродо. Да, от Сэма так просто не отделаешься.

– Но почему же он уплыл, не сказав ни слова? – недоумевал Гимли. – Это странный поступок!

– И очень отважный, – сказал Арагорн. – Фродо не захотел вести друзей на гибель, и Сэм это понял. Но самому ему нужно было идти. Видно, что-то заставило его преодолеть сомнения и страхи.

– Не орки ли? – предположил Леголас.

– Едва ли, – задумчиво ответил Арагорн. Он решил не говорить о последних словах Боромира, понимая, что именно они испугали Фродо и заставили уйти одного.

– Во всяком случае, Фродо больше нет на этом берегу, – подвел итог эльф. – Только он мог взять лодку. А свою сумку мог взять только Сэм, значит, они ушли вместе.

– Так не будем терять времени! – воскликнул Гимли. – Или надо плыть вдогонку за Фродо, или – в погоню за орками!

– Дайте мне подумать, – попросил Арагорн, – и принять, наконец, правильное решение.

Он молчал несколько минут, полностью уйдя в себя, после чего объявил:

– В погоню за орками! Если мы будем искать Фродо неизвестно где, то пленников ждет мучительная смерть. Мое сердце ясно говорит, что судьба Хранителя больше не зависит от нас. Отряд сделал для него все, что мог. Но пока у нас есть силы, мы не бросим друзей в беде. Мы пойдем налегке и будем спешить.

Прежде чем покинуть Порт Гален, они вытащили из воды последнюю лодку и отнесли к деревьям, сложив под ней ненужные теперь вещи.

Вечерело, но отыскать след не составляло труда.

– Эти твари всегда так, – с отвращением заметил Леголас, разглядывая широкую вытопанную тропу. – Трава здесь долго не поднимется, а сколько веток и кустов сломано без нужды...

– Но бегут быстро, – сказал Арагорн. – На камнях будет не так просто идти по следу.

– Ладно, – проворчал Гимли, – гномы тоже не ползают, да и в выносливости оркам до сих пор не уступали. Погоня будет долгой, а мы уже потеряли много времени.

– Выносливость понадобится нам всем, – отозвался Арагорн, – потому что по следу мы пойдем до конца, каким бы он ни был. И – горе врагам, если мы их настигнем! Пусть три народа – Эльфы, Гномы и Люди – сочтут наш поход подвигом. Вперед!

Три серые тени почти сразу затерялись в сумерках.

Глава II

Всадники Рохана

Быстро смеркалось. Вскоре и лес, и Андуйн скрылись в тумане. Только скалы впереди отбрасывали четкие черные тени в причудливом лунном свете. Нагорье Эмин Майл тянулось с севера на юг двумя хребтами, западные склоны которых были заметно круче восточных. Всю ночь друзья карабкались вверх по скалам, спускались в ущелья первого хребта, с трудом отыскивая следы меж голых камней. В тихий, холодный предрассветный час отдохнули немного, а с первыми проблесками зари снова были на ногах. Внезапно Арагорн остановился в замешательстве. Орочья тропа спускалась в долину между хребтами и там терялась.

– Куда они направляются? – спросил подошедший Леголас. – На север, к Изенгарду мимо леса Фангорна, или на юг, через Энтову Купель?

– К реке они не пойдут, – ответил Арагорн. – Что бы ни происходило в Рохане, степи они наверняка постараются пройти напрямик. Идем на север.

Однако примерно с милю они прошли на север без видимых успехов. Справа высилась отвесная скалистая стена, слева более полого поднимались серые сумрачные склоны. Арагорн тщетно пытался отыскать след. Леголас шел чуть впереди.

– Смотрите! – вдруг закричал он. – Кое-кого мы уже настигли.

То, что они поначалу приняли за груды камней, оказалось жестоко изуродованными, обезглавленными трупами орков. Земля вокруг пропиталась темной кровью.

– Опять загадка! – заворчал гном. – Может, днем мы бы и разобрались, но не ждать же...

– Я бы сказал: враги орков – нам друзья, – заметил эльф. – Здесь кто-нибудь живет?

– Нет, – ответил Арагорн. – Всадники бывают здесь редко, до Минас Тирита отсюда далеко. Разве что случайные охотники... Только, по-моему, все гораздо проще.

– Как? – оживился гном.

– Орки передрались между собой. Все убитые – гоблины-северяне. Среди них нет больших орков с гербами Сарумана, из тех, которых мы видели у реки... Должно быть, о дороге поспорили.

– Или о пленниках, – в тон ему вставил Гимли. – Не хочется думать, что они погибли здесь.

Арагорн тщательно осмотрел все вокруг, но ничего интересного не обнаружил. Они снова двинулись в путь.

Гасли ночные звезды, небо начинало светлеть. Глубокий узкий ручей прорезал долину. Берег порос травой и редким кустарником. Вверх по ручью вел четкий орочий след. Забыв про усталость, друзья, перепрыгивая с камня на камень, карабкались по уступам и наконец оказались на гребне горы. Холодный ветер обдал им лица.

Позади, за Рекой, над дальними холмами появилась красная полоска рассвета. Начинался день. Перед ними, на Западе, земли лежали еще сонные, серые, неясные; там постепенно таяли ночные тени, возвращая краски пробуждающейся равнине. Малахитовой зеленью наливались просторы Рохана; мерцали туманами речные поймы; а слева, лигах в тридцати, темно-синие и пурпурные, вставали Белые Горы. Пики заснеженных вершин горели теплым розовым светом.

– Гондор! – взволнованно заговорил Арагорн. – Я так надеялся на встречу! А пока – не судьба мне повидать твои сверкающие реки...

О Гондор, Гондор, мой светлый край!

*От гор до прибрежных скал
Здесь Запада ветер веял в степях
и Белое Древо ласкал;
Ложился в сады Былых королей
серебряный свет росой...
О гордые башни! Крылатый венец!
Священный престол золотой!
О Гондор, Гондор! Ужель навек
твой светоч померк, увял?
Повеет ли Западный ветер вновь
от гор до прибрежных скал?*

Он с трудом отвел взор, пора было возвращаться к насущным делам и заботам.

Гребень нагорья, на котором они стояли, резко уходил вниз. Фатомах в двадцати виднелась широкая неровная полка, обрывающаяся почти отвесной скалой. Эту часть Эмин Майл называли Восточной Стеной Рохана. За ней, насколько хватало глаз, тянулись зеленые равнины рохирримов.

– Взгляните! – Леголас указывал в бледное небо. – Снова орел. Похоже, возвращается на север. Как высоко он летит!

– Это не для моих глаз, – устало сощурился Арагорн. – Но если это та самая птица, хотел бы я знать, кто и зачем послал ее? Посмотри-ка лучше вон туда, добрый эльф, что там за движение на равнине?

– Э-э, да там большой отряд! – отвечал Леголас. – Не поручусь, что это орки, но идут пешком, и до них лиг двенадцать. Правда, на ровном месте расстояние скрадывается...

– Вот и славно, – сказал Гимли, – Теперь бы побыстрее найти тропу и спуститься...

– Вряд ли орки выберут длинную дорогу, – заметил Арагорн, – лучше все-таки идти по их следу.

Тропа шла на север вдоль гребня, потом спускалась в расщелину, промытую горным ручьем, и крутыми ступенями выходила на равнину. По следам было видно, как торопятся орки. Иногда попадался изодранный черный плащ или разбитый на камнях сапог. Ущелье кончилось неожиданно.

Перед ними расстилались необозримые луга Рохана – волнующееся море густой высокой травы. Воздух был чистым и ароматным, словно в преддверии весны. Леголас вздохнул полной грудью, лицо его стало светлым и лучистым.

– Пахнет зеленью, – потеплевшим голосом произнес он. – Это лучше всякого отдыха. Я устал на камнях, но здесь силы снова возвращаются ко мне. Поспешим же!

Они мчались, словно гончие псы по горячему следу. И здесь к ним дошла первая весточка от пропавших друзей. В сторону от вытоптанной орками тропы отходил след маленьких босых ног, перекрытый тяжелыми отпечатками сапог погнавшегося за беглецом орка. Там, где первые следы исчезали, Арагорн поднял из травы зеленую с серебром пряжку в виде букового листа.

– Пряжка из Лориена! – одновременно воскликнули Леголас и Гимли.

– Да, – подтвердил Арагорн. – Не напрасно падают листья в Лориене. Это не потеря, это – знак для нас. Кто-то из хоббитов специально отбежал в сторону, чтобы оставить его. Наверное, Пиппин.

– Значит, он по крайней мере жив и способен шевелить ногами и головой, – заключил Гимли. – Это обнадеживает. По крайней мере, мы на верном пути.

– Будем надеяться, что он не слишком дорого заплатил за свою выдумку, – подал голос эльф. – Поспешим, друзья!

Солнце перевалило за полдень и медленно ползло к закату. С юга набежали легкие облачка, но ближе к вечеру от них не осталось и следа. Солнце село. Закатные тени протянули к друзьям длинные черные руки. Двенадцать лиг отделяли их от Восточной Стены, но теперь орков на плоской как стол равнине не видел даже зоркий эльф.

Когда темнота окончательно сомкнулась над ними, Арагорн остановился.

– Что будем делать? – обратился он к Леголасу и Гимли. – Будем продолжать погоню в темноте, пока с ног не свалимся, или все же отдохнем ночью?

– Если орки не станут останавливаться, то вряд ли мы их догоним после ночевки, – сказал Леголас.

– Оркам тоже, поди, нужен отдых, – заметил Гимли.

– Орки избегают солнца, а тут они мчались под ним целый день, – возразил Леголас. – Так что ночью они вряд ли устроят привал.

– В темноте мы и следов-то не найдем, – бессонная ночь гному явно не улыбалась.

– Насколько хватает моих глаз, тропа прямая, и захочешь – не собьешься, – упорствовал эльф.

– Может, мне и удастся выдержать направление в темноте, – заметил Арагорн, – но если мы собьемся или орки свернут, то утром мы можем потерять много времени и сил, пока не найдем тропу снова.

– И вот еще что, – добавил Гимли, – без света мы не увидим, не отходят ли где-нибудь следы в сторону. Вдруг кому-то из пленников удастся сбежать, или вдруг его поволокут – ну, скажем, на восток, к Великой Реке, – а мы проскочим след и не заметим.

– Возможно, – кивнул Арагорн. – Но по всем признакам выходит, что орки Белой Руки пока в большинстве, и вся стая направляется в Изенгард.

– С этими орками всего можно ожидать, – упорствовал Гимли. – А в темноте мы никаких знаков не найдем. Застежки, например, точно бы не нашли.

– Пленники с той поры устали еще сильнее, а орки стали еще бдительнее, – вздохнул Леголас. – Без нашей помощи из плена им не вырваться, а для этого нам надо хотя бы нагнать их.

– Но даже я, не самый слабый и привыкший к путешествиям гном, не в силах проделать весь путь до Изенгарда без единой остановки, – сказал Гимли. – Сердце торопит меня, и я хочу продолжать погоню – только отдохну немного, чтобы потом бежать быстрее. А если уж отдыхать, так лучше всего в слепую ночь.

– Так на чем порешим? – спросил Арагорн.

– Ты нас ведешь, тебе и решать, – заявил гном.

– Надо, не мешкая, идти дальше, – сказал эльф, – но и разлучаться нам никак нельзя. Пусть будет по-твоему.

– Плохого вы выбрали советчика, – вздохнул Арагорн. – После Аргоната я только и делал, что ошибался.

Он надолго умолк, словно пытаясь высмотреть в темноте что-то сначала на севере, потом на западе, и наконец объявил свое решение.

– Будем отдыхать. В таком мраке мне никаких следов не разобрать. Луна молодая, света от нее никакого, да и садится рано.

– И все время норовит спрятаться за тучу, – пробормотал Гимли. – Жаль, что Владычица не дала нам такой же светильник, как Фродо.

– Он там, где нужнее, – негромко сказал ему Арагорн. – Там, где решаются судьбы мира. А наша погоня – только незначительный, а то и бессмысленный, эпизод, и решения мои на самом деле ничего не решают.

Арагорн заснул, едва успев лечь: он не спал с самой высадки в Порт Галене. Гимли тоже уснул, где сел. Только Леголас провел ночь без сна, глядя на звезды. Запахи трав и звездный свет были для эльфа лучшим отдыхом.

– Они уже далеко, – грустно сказал он утром Арагорну, – теперь разве что орел их догонит.

– Все равно надо идти, – ответил Арагорн и наклонился к гному. – Гимли, вставай, след простынет.

– Еще темно, – сонно запротестовал тот. – Пока солнце не встанет, даже Леголас их не увидит.

– Боюсь, мне уже не увидеть их ни при солнце, ни при луне, ни с холма, ни на равнине, – отвечал эльф.

– Где глаз не увидит, ухо поможет. – Арагорн припал к земле и долго слушал, а когда поднялся, вид у него был осунувшийся и встревоженный. – Орки далеко, их едва слышно. Куда громче топот копыт. Он чудился мне всю ночь, но тогда кони скакали на запад, а теперь повернули к северу. Там что-то случилось. Надо спешить.

Так начался третий день погони. Погода менялась; тучи то затягивали небо, то уступали неуверенному зимнему солнцу. Теперь Арагорн, Леголас и Гимли двигались цепью поодаль друг от друга. Эльфийские плащи потускнели, приняв цвет серо-зеленой травы, и даже в бесстрастном полуденном свете скрывали путников от любопытных глаз. Они бежали молча, не замечая усталости, не останавливаясь даже для еды, и благодарили в душе Владычицу Лориена за щедрый дар. Лембас прибавлял сил, и его можно было есть на бегу.

В конце дня далеко впереди показались невысокие холмы. Орочья тропа начала забираться к северу; на твердой, с редкой короткой травой земле следы читались уже не так отчетливо. Слева в отдалении серебряной нитью по изумрудной канве вилась Энтова Купель. И нигде – ни звука, ни шороха, ни живой души. Рохирримы жили дальше к югу, у лесистых отрогов Белых гор, а здесь, на восточных пастбищах, даже зимой со стадами и табунами кочевали пастухи. Странное запустение все больше беспокоило Арагорна.

К вечеру за спиной осталось около двадцати четырех лиг, и нагорье Эмин Майл скрылось из глаз. Небо затягивалось, и сам воздух вокруг помрачнел. Тонкий серп месяца пробивался сквозь легкую дымку, мерцали звезды.

– Эх, сколько времени мы потеряли зря, – с досадой сказал Леголас. – Орки бегут так, словно Саурон гонит их плетью. Боюсь, они уже в лесу.

Гимли скрипнул зубами.

– Горький конец всем трудам и надеждам, – сказал он.

– Труды не окончены, даже если надежда погасла, – проговорил Арагорн, прислушиваясь к чему-то. – Неладно в этом краю. Меня тишина тревожит. Я не доверяю даже этой блеклой луне и тусклым звездам. И я очень устал, хотя путь ясен, а других причин для беспокойства у Следопыта и быть не может, а вот поди ж ты... Видно, и вправду чья-то воля подгоняет наших врагов, а перед нами создает незримую преграду. Я чувствую это по тому, что усталость – не в теле, а давит на сердце.

– Так и есть, – подтвердил Леголас. – Я понял это, как только мы спустились с нагорья. Зло – оттуда, – и он махнул рукой на север.

– Саруман, – резко произнес Арагорн. – Но он не заставит нас отступить! Хотя остановиться все-таки придется. Вон, даже месяц скрылся. Утром двинемся на север.

На этот раз поспать удалось совсем немного. Их разбудил Леголас.

– Вставайте! Вставайте! – повторял он встревоженно. – Рассвет красен, что-то происходит на опушке леса. Нас зовут туда.

Они достигли холмов за час до полудня. Зеленые склоны постепенно превращались в скалистый гребень, уходящий почти точно на север. Левее, ближе к реке, миль на десять тянулись болота. Среди них, в зарослях тростника и рогозы, текла Энтова Купель. У южного склона холма обнаружился круг плотно утоптанной земли. Орочья тропа выходила из круга и вела на север, вдоль склона. Арагорн сосредоточенно вглядывался в следы.

– Орки побывали здесь позавчера, – сказал он наконец. – Если ничего не помешало им, то вчера вечером они должны были добраться до леса Фангорна.

– Я не вижу никакого леса, а только травы до самого горизонта, что на севере, что на западе. Может, забраться на холм? – предложил Гимли.

– Отсюда до леса неблизко, – пояснил Арагорн. – Холмы тянутся к северу лиг на восемь, а от них до леса Фангорна еще лиг пятнадцать вдоль Энтовой Купели.

– Ну, идти-то все равно надо, – заключил Гимли. – Эх, будь на сердце полегче, глядишь, и ноги шагали бы веселее.

К закату холмы почти остались позади. Теперь они двигались медленно. Надежда таяла, а вместе с ней таяли и силы Гимли. Арагорн шагал рядом с ним, мрачный и молчаливый. Он то и дело наклонялся и рассматривал следы, тщетно надеясь на удачу. Только поступь эльфа была по-прежнему легка.

– Давайте-ка поднимемся на этот зеленый склон! – предложил он, и усталые друзья последовали за ним. Невысокий зеленый холм стоял на особицу, поодаль от основной гряды. Солнце село, и вечерние тени словно задернули все вокруг серыми занавесями. Мир разом утратил краски и четкость очертаний. Только на северо-западе мрак казался гуще: там, у подножия Мглистых гор, лежал лес Фангорна.

– Тьма такая, что шагу не ступить, – сказал Гимли. – Придется опять останавливаться и перетерпеть эту ночь. Холодает-то как!

– Ветер с севера, со снежных вершин, – пожал плечами Арагорн.

– К утру он сменится на восточный, – обнадежил эльф. – Отдохните пока. Не зря говорят: утро вечера мудренее.

– Мы уже три утра так встретили, а мудрости что-то не прибавилось, – вздохнул Гимли.

Ночь выдалась холодной. Человек и гном спали беспокойно, а эльф так и не прилег, пребывая в светлой грезе наяву, ведомой только этим чудесным существам. Иногда он принимался тихонько петь, и тогда в небе проглядывали звезды. Под утро восточный ветер разогнал туман и, когда рассвело, с макушки невысокого холма преследователи увидели все те же необъятные луга, темный лес лигах в десяти к северо-востоку, а далеко на севере – пики Мглистых Гор над серыми тучами. Из леса вытекала река. Следы сворачивали к ее обрывистому берегу.

От зорких глаз Арагорна не укрылось какое-то движение вдаль, на фоне зелени, между рекой и лесом. Леголас, стоявший рядом с ним, прикрывая глаза красивой рукой с длинными тонкими пальцами, разглядел гораздо больше.

Арагорн припал к земле.

– Всадники! Много! Очень быстрые кони.

– Да, – подтвердил Леголас. – Сто пять человек. Вооружены копьями. Светловолосые. Тот, кто ведет их, очень высокий. Лигах в пяти от нас.

– Пять лиг или одна, – сказал Гимли, – нам все равно негде укрыться на этой равнине. Будем ждать их или пойдем своей дорогой?

– Подождем, – ответил Арагорн. – Я устал, а конца нашей погоне не видно. Нас опередили. Всадники, мне кажется, возвращаются по следу орков. Может быть, мы услышим от них что-нибудь новое.

– А может быть, познакомимся с их копьями, – в тон ему добавил Гимли.

– Три коня, похоже, потеряли своих наездников, – проговорил Леголас. – А хоббитов я так и не вижу.

– Я не говорил, что новости будут хорошими, – вздохнул Арагорн.

Они спустились с вершины невысокого холма и сели на траву, закутавшись в плащи.

Чувствуя тревогу гнома, незнакомого с людьми Рохана, Арагорн коротко рассказал ему о здешнем народе. По его словам, Всадники хотя и отличаются вспыльчивым нравом, но великодушны и отважны, горды, но не жестоки, умны, и если не знают письменности, то помнят былины и слагают песни, как велось по всему Среднеземью до начала Темных Лет. Они в дружбе с Гондором и, уж во всяком случае, не любят орков. Говорили, что они платят дань Мордору, но Арагорн этому не верил.

Между тем всадники были уже совсем близко. Тропа, петлявшая вдоль берега реки, в этом месте резко сворачивала к холмам. Всадники вырвались из-за поворота с лязгом и грохотом и помчались вдоль западных склонов к югу. Они ехали стройными рядами по двое на красивых сильных конях. Короткая серая шерсть благородных животных блестела, хвосты развевались по ветру, заплетенные гривы подрагивали. Наездники были им под стать. Рослые, стройные, светловолосые воины в блестящих кольчугах держали длинные ясеновые копья, за спиной у них были расписные щиты, у пояса – длинные мечи. Они ехали мимо, не замечая путников. Отряд почти миновал их, когда вдруг Арагорн встал во весь рост и громко окликнул воинов:

– Что нового на Севере, Всадники Рохана?

Отряд мгновенно, без команды, развернулся в кольцо, сомкнувшееся вокруг троих друзей. Острия копий были направлены на них. Предводитель отряда приблизился к Арагорну и на Всеобщем языке потребовал назваться.

– Меня называют Колобродом, – с легкой усмешкой ответил Арагорн. – Я с Севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с коня, передал копьё подъехавшему товарищу и, положив руку на рукоять меча, стоял теперь лицом к лицу с Арагорном, с удивлением разглядывая его.

– Я чуть было вас самих за орков не принял, – признался он. – Да вижу – ошибся. Но кто же так охотится на орков? Доведись вам повстречать их, сами станете добычей. Однако в вас есть что-то загадочное... Почему мы вас не заметили? Вы эльфы?

– Нет, – спокойно ответил Арагорн. – Среди нас только один эльф, но мы прошли через Лотлориен, и с нами – дары и благословение его Владычицы.

Изумление Всадника возросло, но и взгляд заметно потяжелел.

– Так в Золотом Лесу и впрямь есть Владычица, – не то с опаской, не то с угрозой проговорил он. – В старых сказках говорится, как трудно избежать ее сетей. Вот странные дни! Но если вы в дружбе с ней, значит, и сами колдуны и волшебники! – Он недобро глянул на Леголаса и Гимли и резко спросил: – Вы почему не отвечаете?

Гимли так и вскинулся, схватившись за топор. Темные глаза его сверкали.

– Сначала назови себя, коневод, в ответ получишь мое имя и кое-что в придачу! – дерзко крикнул он.

Всадник помедлил с ответом, внимательно разглядывая гнома.

– На землях Рохана вопросы задаю я. Но для тебя, пришелец, пожалуй, сделаю исключение. Я – Йомер, сын Йомунда, правитель Остфолда. А теперь жду, что скажешь ты!

– Слушай же, Йомер, сын Йомунда! Я – гном Гимли, сын Глоина, и я запрещаю тебе непочтительно отзываться о правительнице Лориена. Только невежество может извинить тебя!

Взгляд Йомера грозно сверкнул.

– Будь ты повыше ростом, почтенный гном, я отрубил бы тебе голову вместе с бородой.

– Он не один, – вмешался Леголас, мгновенно натягивая лук, – ты умрешь раньше, чем возьмешься за меч!

Йомер все же потянулся к мечу, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Арагорн не встал между ними.

– Постой, Йомер! – воскликнул он. – Мы не хотим зла ни Рохану, ни его народу, ни людям, ни коням. Выслушай нас, прежде чем браться за меч. Может быть, тогда тебе станет понятен гнев моих спутников.

Помедлив, Йомер снял руку с клинка.

– Хорошо. Но чужеземцам стоило бы поумерить свой пыл в эти смутные дни. Для начала скажи свое настоящее имя.

– Только после того, как узнаю, кому вы служите, – отрезал Арагорн.

– Королю Рохана, Теодену, сыну Тенгеля, – был ответ. – Темный Владыка нам не указ, если ты это имеешь в виду. Но между нами нет и войны. Мы – свободный народ, всегда жили свободно и хотим сохранить свободу, а не прислуживать хозяевам, будь они злыми или добрыми. Но сейчас границы наши в опасности, и чужеземцам закрыт путь в пределы страны. А теперь я хочу знать, кто вы? – вновь спросил Йомер. – Кому служите? И по какому праву оказались на земле Рохана?

– Я никому не служу, – ответил Арагорн, – но слуг Врага преследую повсюду, где бы ни свела меня с ними судьба. Орки – мои враги. Я знаю о них куда больше многих, а сейчас преследую их отряд, захвативший двух наших друзей. У нас нет коней, в погоне мы полагаемся лишь на свои ноги, а в подобных случаях надо ли спрашивать о праве? Врагов я считаю только мечом. Как видишь, я не безоружен.

Он откинул плащ и вынул из ножен Андрил, сверкнувший на солнце, как белое пламя.

– Ты хочешь знать, кто я? Перед тобой Арагорн, сын Арахорна, Элессар Эльфинит, наследник Исилдура, сына Элендила, Короля Гондора! Вот возрожденный меч Исилдура. Теперь ты знаешь, кто я, а я хочу знать, помощи или помехи ждать мне от вас? Решай быстро!

Леголас и Гимли в огромном изумлении смотрели на своего товарища. Они никогда не видели его таким. Следопыт словно вырос. В его властных чертах появился отблеск невиданной силы и величия, напомнивший о каменных королях Аргоната. Эльфу показалось, что над головой Арагорна сверкнул венец, о котором когда-то рассказывал Гэндальф.

Йомер невольно отступил на шаг.

– Воистину, странные времена настали, – пробормотал он. – Древние легенды вырастают прямо из травы. Но какие же заботы привели вас сюда с Севера? – от недавней гордости предводителя рохирримов и следа не осталось.

– Бремя выбора, – ответил Арагорн. – Передай Теодену, сыну Тенгеля: его ждет война. Либо он выступит на стороне Сарумана, либо против него. Отныне никто не сможет жить так, как жил, и вряд ли кто сохранит то, что считал своим... Но об этом позже. Скажи мне, что стало с орками?

– Они уничтожены, – последовал ответ.

– А наши друзья? Они совсем маленькие, для вас – как дети.

– Там не было ни детей, ни гномов. Мы сочли и обыскали убитых, потом сложили трупы и сожгли их, как велит обычай. Кострище еще дымится.

– Да при чем тут гномы! – не выдержал Гимли. – Речь о хоббитах.

– Хоббиты? – переспросил Йомер. – Впервые слышу это название.

– Согласен, прозвание странное, а вот народец весьма приятный, – разговорился Гимли. – Вы в своем Рохане наверняка слышали о пророческих словах, встревоживших Минас Тирит. В них говорилось о полуросликах. Наши хоббиты – те самые полурослики и есть.

Ближайший к Йомеру всадник расхохотался.

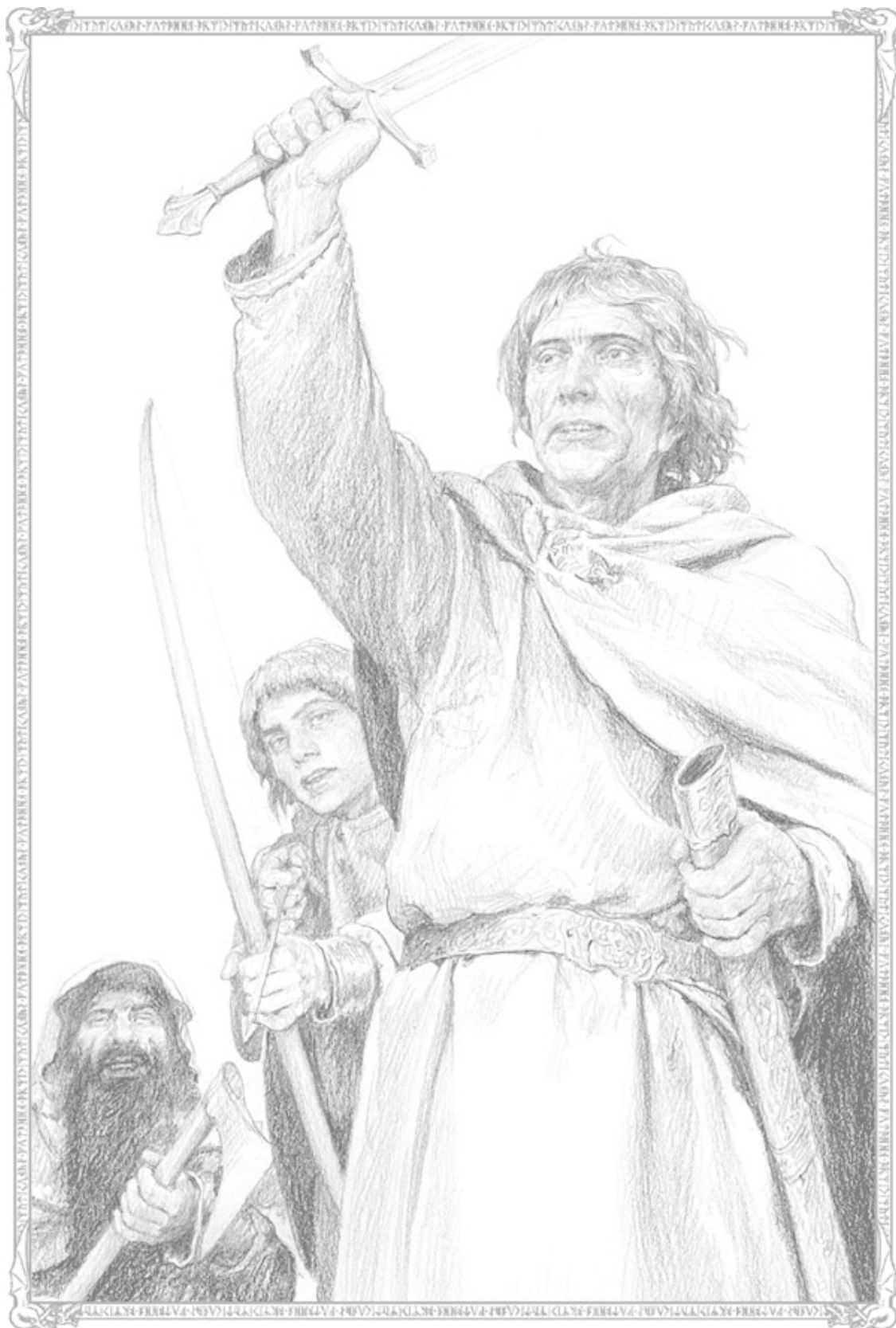
– Да ведь полурослики бывают только в детских сказках! А мы-то здесь, при свете дня, на зеленой земле.

– Можно быть и там, и здесь, – отвечал Арагорн. – Не нам, а тем, кто придет потом, складывать предания о нашем времени. Из зеленой земли родились все легенды, хоть ты и топчешь ее при свете дня...

– Надо спешить, повелитель, – не дослушав Арагорна, обратился всадник к Йомеру. – Отпустим чужезмцев или возьмем с собой?

– Уймись, Йотэйн, – Йомер перешел на родной язык. – Оставьте нас одних. Собери *йоред* у тропы, скоро выступаем.

– Как ни странно то, что вы говорите, – обратился Йомер к Арагорну, – но это правда. Люди Рохана не лгут, поэтому их трудно обмануть. Но ведь вы сказали далеко не все. Мне нужно принять решение, а я знаю пока очень мало.

– Несколько недель назад я вышел из Имладриса, о котором говорилось в пророчестве, вместе с Боромиром, сыном Денетора, – ответил Арагорн. – Я шел помочь Минас Тириту в войне с Сауроном. У моих товарищей была другая задача. Сейчас говорить о ней ни к чему. А возглавлял отряд Гэндальф Серый.

Услышав это имя, Йомер помрачнел.

– Гэндальфа Серого знают у нас, – сказал он, – но наш правитель Теоден не хочет больше о нем слышать. Каждый раз вслед за его появлением происходили странные события. Кое-кто говорит, что Гэндальф – недобрый вестник. Да и то сказать: в прошлый раз после его прихода все пошло не так. До тех пор мы считали Сарумана другом, а Гэндальф предупредил, что в Изенгарде готовятся к войне. Он говорил, что сам еле спасся из Ортханка, и просил о помощи. Но Теоден не внял ему, только разрешил взять коня, и старик ушел. Король в гневе: Гэндальф выбрал самого лучшего коня во всей стране, это был наш драгоценный Сполох... Семь ночей назад конь вернулся, да только теперь он не признает ничьей руки.

– Значит, он нашел дорогу с Севера, – сказал Арагорн. – Там они расстались с Гэндальфом, и там вскоре Гэндальф погиб во мраке Мории.

– Это тяжелая утрата и для меня, и для многих других, – вздохнув, произнес Йомер. – Не для всех, правда...

– Боюсь, никому из вас не понять, что именно мы потеряли с его гибелью, – сказал Арагорн. – Но когда гибнут великие, малые приходят на их место. Я вел отряд через Лориен вниз по Великой Реке до водопадов Рэроса. Там пал Боромир. Убивших его орков уничтожили вы.

– Горестные вести! – воскликнул Йомер. – Великая потеря для Минас Тирита, да и для нас тоже. Достойный человек и отважный воин! Когда же это случилось?

– Сегодня четвертый день, как его нет, – ответил Арагорн.

– И вы с того самого дня преследуете орков пешком?

– Как видите, – ответил Арагорн.

– Вам больше подошло бы имя Странствующего Орла, – сказал Йомер. – Четвертый день еще не кончился, а вы уже прошли сорок пять лиг. Однако как же мне быть теперь? – помолчав, продолжал он. – Действительно, мы не воюем с Черной Страной, правда и то, что король внимает дурным советам; так что война не за горами. Мы не нарушим союза с Гондором. Под моей рукой – Восточные пределы Рохана, и я говорю за весь Остфолд Мои люди и кони ушли за реку, здесь остались лишь дозоры.

– Так вы не платите дань Саурону? – подозрительно спросил Гимли.

– Нет, и никогда не бывать этому! – отвечал Йомер, гневно сверкнув глазами. – Я знаю об этих наветах. Темный Владыка как-то пытался купить у нас коней, но мы ему отказали. Тогда его орки стали красть лошадей, и всегда только черных, сегодня в табунах они редкость. С орками мы считаемся, но сейчас главная опасность – Саруман. Он хочет поработить мою страну; ему служат и орки, и оборотни, и даже дикари. Его отряды перекрыли Гриву Рохана, мы окружены с востока и с запада. К тому же Саруман – могучий маг, он принимает любые обличья. Последнее время его видят то там, то здесь в образе старика в плаще с капюшоном. Боюсь, у него есть сообщники не только в Изенгарде. Впрочем, сами увидите, когда придете в королевские палаты. Провидение послало вас мне в час нужды и сомнений.

– Я приду, как только смогу, – пообещал Арагорн.

– Прямо сейчас! Сыновья Йорла почтут за честь сражаться рядом с Наследником Элендила. Наши западные границы в огне, там война, я боюсь, что для нас она кончится плохо.

Я ушел в поход без ведома короля. Без моей дружины Эдорас не выстоит, но три ночи назад мне сообщили об отряде орков, спустившемся с нагорья. Там видели много щитов со знаком Сарумана. Я заподозрил самое плохое – союз Ортханка с Темной Крепостью, и сразу повел *йоред*, мою дружину. Два дня назад мы перехватили орков на подступах к Лесу Фангорна. Мы потеряли пятнадцать всадников и двенадцать коней – врагов оказалось куда больше, чем мы думали. К ним подошел на помощь отряд с востока – их тропа проходит чуть севернее, – а в лесу их ждали здоровенные орки со знаком Белой Руки. Мы сделали свое дело, но слишком задержались. Надо немедленно возвращаться... – Йомер помолчал и неуверенно добавил: – Идите с нами прямо сейчас. У меня есть свободные кони. Возрожденному мечу, эльфийскому

луку и гномьему топору будет работа. Надеюсь, эльф и гном простят меня за необдуманные слова о Владычице Золотого Леса. Я ведь только повторил то, что говорят у нас...

– Спасибо на добром слове, – сказал Арагорн. – Я пошел бы с тобой, но обязан спасти друзей, пока еще есть надежда.

– На севере Рохана твоих друзей нет, – вздохнул Йомер.

– Их нет и на юге, – возразил Арагорн. – Недалеко от Стены Рохана один из них оставил нам знак, но до самых холмов ни один след не уходил от орочьей тропы. Я боялся, что их убили и сожгли вместе с орками; ты уверил меня, что это невозможно. Быть может, их утащили в лес еще до сражения, пока вы не успели окружить врагов. Такое возможно?

– Разве что эльфийские чары помогли им скрыться, – с сомнением проговорил Йомер. – Впрочем, в чем можно быть уверенным среди стольких чудес! Весь мир меняется. Эльф бродит под руку с гномом, люди гостят у Владычицы Золотого Леса и остаются в живых, а меч, сломанный в прадедовские времена, снова в бою! Как быть теперь человеку? Как поступать?

– Как и всегда, – твердо ответил Арагорн. – Добро и Зло все те же. И эльфы, и гномы судят о них одинаково. В Золотом Лесу человек различает их так же, как в отчем доме.

– Истинно так, – кивнул Йомер. – Я верю вам и верю своему сердцу. Но как я могу следовать ему? Наш закон не позволяет чужеземцам бродить по стране без разрешения Короля, а в такое тревожное время он должен выполняться неукоснительно. Я просил вас отправиться со мной, вы отказались. Не сражаться же нам всем *йоредом* против троих!

– Вряд ли твой закон применим в нашем случае, – спокойно возразил Арагорн. – Да и я – не чужой здесь. Я бывал в Рохане, и не однажды, только звали меня иначе и выглядел я... получше. С тобой мы не встречались, но я знал твоего отца, Йомунда, знаю и Теодена, сына Тенгеля. В те дни мне не стали бы мешать спасти друзей. Я должен идти за ними. Решай же, Йомер, поможешь ты нам или поступишь по законам твоей страны?

Йомер задумался.

– Вы свободны, – произнес он наконец. – И вам, и нам надо спешить, поэтому я дам вам коней, но прошу потом вернуть их в Эдорас, Королю Теодену. Это докажет, что я не ошибся в вас. Честь и жизнь моя в ваших руках, – добавил он.

– Тебе не придется жалеть об этом, – ответил Арагорн. – Нам предстоит еще не раз биться бок о бок, я надеюсь не остаться в долгу.

Среди всадников поднялся ропот недовольства, когда Йомер приказал дать чужеземцам свободных коней. Йотэйн, оруженосец, высказал общее настроение:

– Ладно бы еще князю, он родня гондорцам, – проговорил он, – но кто слышал, чтобы роханский конь слушался гнома?

– Никто не слышал и не услышит, – отрезал гном. – Лучше пешком идти, чем лезть на спину к такому зверю!

– Ты сядешь со мной, друг Гимли, – успокоил его Леголас. – Избавим от мучений и тебя, и коня.

Йомер быстро восстановил порядок. Арагорну подвели рослого темно-серого коня. Со своего – легконогого и ретивого – Леголас попросил снять седло и уздечку. Мгновение спустя он был уже верхом и, к удивлению Всадников, строптивый конь под ним не шелохнулся. Гимли уцепился за товарища так же, как недавно цеплялся Сэм за борта лодки.

Они расстались друзьями. Прощаясь, Гимли не преминул напомнить Йомеру, что спор о прекрасной Владычице Лориена еще не закончен.

– Вы должны научиться говорить о ней подобающим образом, – заявил гном, – а я готов помочь вам в этом.

– Там видно будет, – с улыбкой махнул рукой Йомер.

Роханские кони недаром славились быстротой. Когда Гимли спустя несколько минут оглянулся, дружины Йомера уже не было видно. Арагорн, припав к шее коня, всматривался в траву. Вскоре они достигли места, о котором упоминал Йомер, – к основной тропе вела тропка с востока. Арагорн спешил и тщательно осмотрел все вокруг.

– Интересного мало, – сообщил он. – Всадники возвращались по орочьей тропе, и следы орков перекрыты копытами коней. Зато следы с востока просматриваются отчетливо, и ни один след не отходит назад, к Андуину. Вот здесь орки заметили Всадников. Они могли попытаться увести хоббитов прежде, чем их перехватят. Теперь придется ехать медленнее. Я хочу убедиться, что никто не сворачивал с основной тропы.

Новых троп действительно не было, но чем дальше, тем чаще то слева, то справа встречались цепочки следов, в конце каждой непременно лежал пронзенный серой стрелой орк.

Уже в сумерках на краю Леса Фангорна друзья нашли место, где закончилось сражение. Кострище еще дымилось. Рядом грудой лежали изрубленные шлемы, щиты и копья. Посредине на колу торчала голова огромного орка с белым знаком на помятом шлеме... Дальше, там, где из леса вытекала река, высился свежий курган. Из зеленого дерна в небо смотрели пятнадцать копий. В сгущающейся тьме друзья обошли поле битвы. Ни единого следа хоббитов не было видно.

– Вот и все, – понурившись, сказал Гимли. – Бесполезно искать кости наших друзей среди костей орков. Пожалуй, прав был Элронд, когда не хотел их отпускать.

– Но Гэндальф, помнится, был другого мнения, – возразил Леголас.

– Ну, здесь дар предвидения изменил ему. Он сам же первый и погиб.

– Гэндальф решил так не потому, что предвидел или не предвидел события, – сказал Арагорн. – Есть вещи, которые приходится делать, даже если знаешь, к чему это приведет. Я хочу осмотреться здесь при полном свете. Дождемся утра.

Они устроились подальше от кострища, под раскидистым деревом, похожим на каштан. Бурые прошлогодние листья напоминали высохшие старческие ладони с длинными ревматическими пальцами. Они жалобно шуршали от ночного ветра.

Гимли продрог под единственным на всех одеялом.

– Разведем костер! – взмолился он. – Мне уже не до опасностей. Пусть хоть все орки слетятся сюда, как мотыльки на свет!

– Если хоббиты уцелели и заблудились в лесу, они могут выйти на огонь, – поддержал его эльф.

– Огонь может приманить не только хоббитов или орков, – сказал Арагорн. – Отсюда уже недалеко до владений Сарумана, но они там, дальше, а Лес Фангорна – вот он, рядом. Здесь нельзя трогать деревья.

– А как же Всадники? – спросил Гимли.

– Их много, и они редко бывают здесь. Что им до гнева Фангорна! А нам, похоже, предстоит идти туда. Ладно, рискнем. Только не трогайте живые деревья.

– А зачем? – беспечно заметил Гимли. – Валежника достаточно.

Он занялся костром. Арагорн сидел, прислонившись спиной к дереву, погруженный в свои мысли. Леголас стоял чуть поодаль, вслушиваясь в невнятные лесные звуки. Пламя костра бросало отблески на ближние ветви. Эльф обернулся.

– Смотрите, – сказал он вдруг. – Дерево словно радо огню. – Может, это была лишь игра теней, но друзьям показалось, что ветви потянулись к огню, а бурые листья расправились и затихли. Леголас и Арагорн придвинулись к костру. Все смолкло. Огромный лес у них за спиной, темный и неведомый, казалось, жил своей тайной жизнью.

– Помните, Келеберн предостерегал нас против чашоб Фангорна, – нарушил молчание эльф. – Почему? И Боромир слышал, что об этих лесах ходит дурная молва...

– Я и сам слышал немало всякого, – отозвался Арагорн, – и, пожалуй, счел бы все это рассказнями, если бы не слова Келеберна. Но если уж Народ Сумеречья ничего не знает, что с человека спрашивать?

– Мой народ помнит песни об Онодримах. Люди зовут их энтами, – молвил Леголас. – Они жили здесь давно, даже по нашему счету.

– Элронд говорил, что этот Лес из Древнейших Времен. Он был, когда Люди еще не пробудились, а здесь бродили лишь Перворожденные. Но о тайнах Фангорна мало кто ведаёт.

– А я о них и знать не хочу, – подытожил Гимли. – Кто бы там ни жил, обо мне пусть не беспокоится.

Распределили дежурства, первое досталось Гимли. Арагорн заснул сразу же, едва успев невнятно пробормотать:

– Гимли, запомни! В лесу Фангорна не поднимай топор на живое дерево. И за валежником далеко не ходи. Пусть лучше костер погаснет. Буди, если что.

Леголас по обыкновению пребывал в грезах между сном и явью. Гимли долго сидел у костра, задумчиво трогая пальцем лезвие топора. Тихонько шелестело дерево.

Внезапно что-то заставило гнома поднять голову. У самого края светового круга кто-то стоял. Прикрыв глаза от пламени костра, Гимли присмотрелся и увидел старика, закутанного в плащ и с посохом в руке. Слова Йомера о Сарумане молниеносно промелькнули в памяти гнома. Гимли вскрикнул и вскочил. Следопыт и эльф в то же мгновение оказались рядом. Старик не шевельнулся и не произнес ни слова.

– Тебе нужна помощь? – Арагорн шагнул к незнакомцу. – Садись, погрейся у нашего костра!

Но старик исчез, не оставив следов, как будто его и не было. Леголас горестно ахнул: кони пропали. Издали едва слышно донеслось их звонкое ржание.

Удрученные этим новым несчастьем, все трое молчали. Одни, в колдовском Лесу Фангорна, без Всадников, единственных союзников в этой стране, а теперь и без лошадей – было от чего прийти в отчаяние.

– Что же, – вздохнул Арагорн, – коней нам не найти. Придется обойтись без них. Пешими отправились мы на поиски, пешими и будем их продолжать.

– Пешком! – фыркнул Гимли. – Недалеко мы уйдем на пустой желудок!

– Совсем недавно ты и подойти-то к коню боялся, – расхохотался Леголас. – Так, глядишь, заправским наездником станешь.

– Теперь едва ли случай представится, – съязвил Гимли. Он долго молчал, прежде чем заговорить о том, что мучило всех троих. – Это был Саруман. Больше некому. Именно так описал его Йомер. Это он увел наших коней. Дальше будет хуже, попомните мои слова!

– Запомним, – пообещал Арагорн. – А еще я запомнил, что старик был в шляпе, а Йомер говорил о капюшоне. Как бы там ни было, опасность, видно, близка. – Он помолчал. – Утро вечера мудренее. Ложись спать, Гимли. Мне нужно подумать, я посижу у костра.

Ночь была долгой. Арагорна сменил Леголас, под утро снова дежурил Гимли. Но больше ничего не произошло. Старик не появлялся. Не вернулись и кони.

Глава III

Урук-Хайи

Пиппин забылся тревожным сном. Во сне он отчаянно звал Фродо, но слабый голос терялся в черных переходах. Внезапно сотни оскаленных морд появились из темноты, сотни мерзких лап вцепились в него. Куда же делся Мерри?..

Холодный ветер дохнул в лицо, и Пиппин очнулся. Он лежал на спине. Смеркалось, небо над головой постепенно темнело. Он попробовал повернуться и понял, что действительность не лучше мучившего его кошмара. Ноги и руки были стянуты ремнями, все болело. Мерри лежал рядом, бледный, с головой, обмотанной грязной тряпкой. Вокруг расположилась большая стая орков.

Память постепенно возвращалась, отделяясь от видений. Пиппин вспомнил, как они с Мерри сломя голову бросились в лес. Что на них нашло? Почему они не послушались Арагорна? Они мчались куда-то и звали Фродо – и вдруг оказались посреди орочьей стаи. С деревьев на них посыпались десятки гоблинов. Хоббиты выхватили мечи, но орки старались лишь схватить их и избегали драки, даже когда Мерри отрубил несколько хищных лап. Добрый старый Мерри!

Боромир пробился к ним на выручку. Теперь-то оркам пришлось отступить! Но вернуться хоббиты не успели. Орки напали снова, теперь их было не меньше сотни. Град стрел обрушился на Боромира. Воин протрубил в рог, и лес загудел в ответ. Орки в ужасе подались было назад, но лишь эхо ответило рогу, и они атаковали снова, еще яростнее... Больше Пиппин ничего не помнил. Последнее, что он видел, – прислонившегося к дереву Боромира, вырывающего стрелу из плеча. Затем свет померк.

«Похоже, схлопотал по макушке, – сказал себе Пиппин. – Интересно, как там с головой у Мерри? И что случилось с Боромиром? Почему орки нас до сих пор не прикончили? А еще любопытно бы узнать, где мы оказались, и куда нас тащат?» Ответов не было. Он замерз и устал.

«Пожалуй, не стоило Гэндальфу так усердно уговаривать Элронда отпустить нас, – пришла следующая мысль. – Проку от меня – как от мешка с костями. Теперь мешок украли и тащат орки. Одна надежда: придет Колоброд и спасет нас. Вдруг у него других дел не окажется... Как же все-таки выпутаться?»

Он немного повозился, – путы держали крепко. Орк, сидевший поблизости, ткнул в его сторону пальцем и с хохотом объяснил что-то приятелю на орочьем наречии.

– Отдыхай, пока можешь, дурачок! – бросил он Пиппину на Всеобщем языке, звучавшем у него не лучше орочьего. – Отлеживайся! Уж мы найдем занятие для твоих лап. Еще пожалеешь, что они у тебя есть, пока доберемся домой!

– Жаль, не вышло по-моему, – вставил другой. – Ты бы попищал у меня, крысеныш! – Он наклонился над хоббитом, приблизив желтые клыки к самому его лицу. В руке тускло блеснул длинный зазубренный черный нож. – Лежи тихо, а то я пощекочу тебя вот этим! – прошипел он. – Проклятые Сарумановы прихвостни! *Углук а багрон ша нуидаг Саруман-глоб бабхоиш скэй...* – ругань гоблина сменилась бессильным ворчанием. Пиппин, испуганный, ненадолго затих. Запястья и лодыжки болели все сильнее, а острые камни врезались в спину. Постаравшись забыть про них, он стал прислушиваться, пытаясь понять, что происходит.

В стае явно назревала ссора. Голоса звучали все злее. Пиппин с удивлением обнаружил, что орки перешли на Всеобщий язык. Видимо, здесь собрались разные племена, которые с трудом понимали наречие соседа. Орки ссорились, решая, что делать с пленниками.

– Не убивать же их в такой спешке, – говорил один. – Ни развлечься тебе, ни побаловаться.

- Чего тянуть-то? – отвечал другой. – Прикончим их поскорее, прямо тут, и все дела.
- Приказ, – донесся третий голос, низкий и рокочущий. – У меня приказ. *Убивать всех, КРОМЕ полуросликов, они должны быть доставлены ЖИВЫМИ, чем быстрее, тем лучше.*
- Еще чего, – заговорили несколько голосов разом, – почему живыми? Они там сами, что ли, решили развлечься?
- Нет! Я слышал, у одного из них что-то есть, какая-то эльфийская штучка, для Войны. Их всех будут допрашивать.
- Немного же ты знаешь! Может, обобщем их? Нам эта штучка тоже сгодится.
- Интересная мысль, – тихо и зловеще сказал новый голос, – я доложу о ней. НЕ обыскивать и НЕ грабить. *Мне* было так приказано.
- Мне тоже, – сказал низкий голос. – *Заживо и как есть; руки не распускать.*
- Мы шли от самых пещер, чтобы отомстить за своих, – послышался один из первых голосов, – мы убьем их и уйдем назад, на север.
- Еще чего, – рявкнул прежний голос. – Я Углук. Приказываю здесь я. Мы возвращаемся прямо в Изенгард.
- Давно ли Саруман начал распоряжаться? Может, он у нас – Багровое Око? – прошеле-стел зловещий голос. – Нам надо в Мордор. В Лагбур.
- А как переправляться через реку? Нас слишком мало, чтобы прорваться через мосты.
- Я же прошел, – сказал все тот же голос. – Крылатый назгул ждет нас на том берегу.
- Ах, вот, значит, как! Вы улизнете с нашими пленниками, получите в Мордоре плату и почести, а нам тащиться через этот лошадиный край? Нет уж, надо держаться вместе.
- Вместе, вместе! – заворчал Углук. – Не верю я твоим свиньям. Для хорошей драки у вас кишка тонка! Без нас вы давно бы удрали. Мы – бойцы Урук-хайи! Мы сразили великого воина. Мы захватили пленников. Мы – слуги Сарумана Мудрого, Белой Руки. Эта Рука кормит нас человечиною. Мы пришли из Изенгарда и туда же вернемся. Мы привели вас сюда и поведем дальше. Я, Углук, так сказал.
- Не слишком ли ты разболтался, Углук? – вкрадчиво проговорил мордорский предводитель. – В Лагбуре это может не понравиться. Там могут решить, что твоей шее пора отдохнуть от болтливой головы. А может, захотят выяснить, где ты такого набрался. Не у Сарумана ли? Кем он себя считает и с какой стати раздает кое-кому свои белые бляхи? Я, Гришнак, скажу и за себя, и за тех, кто послал меня сюда: Саруман – глупец и грязный предатель. Но ему не скрыться от Багрового Ока. И мусорщики этого дрянного колдуна обзывают нас свиньями! Да он их орочьим мясом кормит, попомните мои слова!
- Ответом ему были яростные вопли и лязг оружия. Пиппин осторожно повернулся, чтобы лучше видеть происходящее. Его стражи в ожидании потасовки присоединились к толпе. В сумерках он заметил огромного черного орка – наверное, это был Углук, – стоящего лицом к лицу с Гришнаком – приземистым, кривоногим, с руками почти до земли. Вокруг столпились гоблины поменьше – наверное, северяне. Они вытащили мечи и ножи, но нападать пока не решались.
- Углук крикнул, и орки его стаи бросились к нему. Гришнак отступил назад и исчез в темноте. Подняв меч, Углук внезапно прыгнул вперед. Двое северян упали обезглавленные, остальные в страхе отпрянули. Один из них споткнулся о неподвижное тело Мерри, грязно выругался и упал, – это спасло ему жизнь. Преследователи, перескочив через него, прикончили другого. Убитый – охранник с желтыми клыками – рухнул подле Пиппина. Свой зазубренный нож он так и не выпустил.
- Убрать оружие! – крикнул Углук. – Хватит дурить! Идем на запад – до холмов, вдоль реки, потом к лесу – днем и ночью. Ясно?
- «Так, – подумал Пиппин, – пока этот злыдень будет унимать своих головорезов, кое-что я могу успеть». Появилась слабая надежда. Лезвие ножа касалось его связанных рук. По ладо-

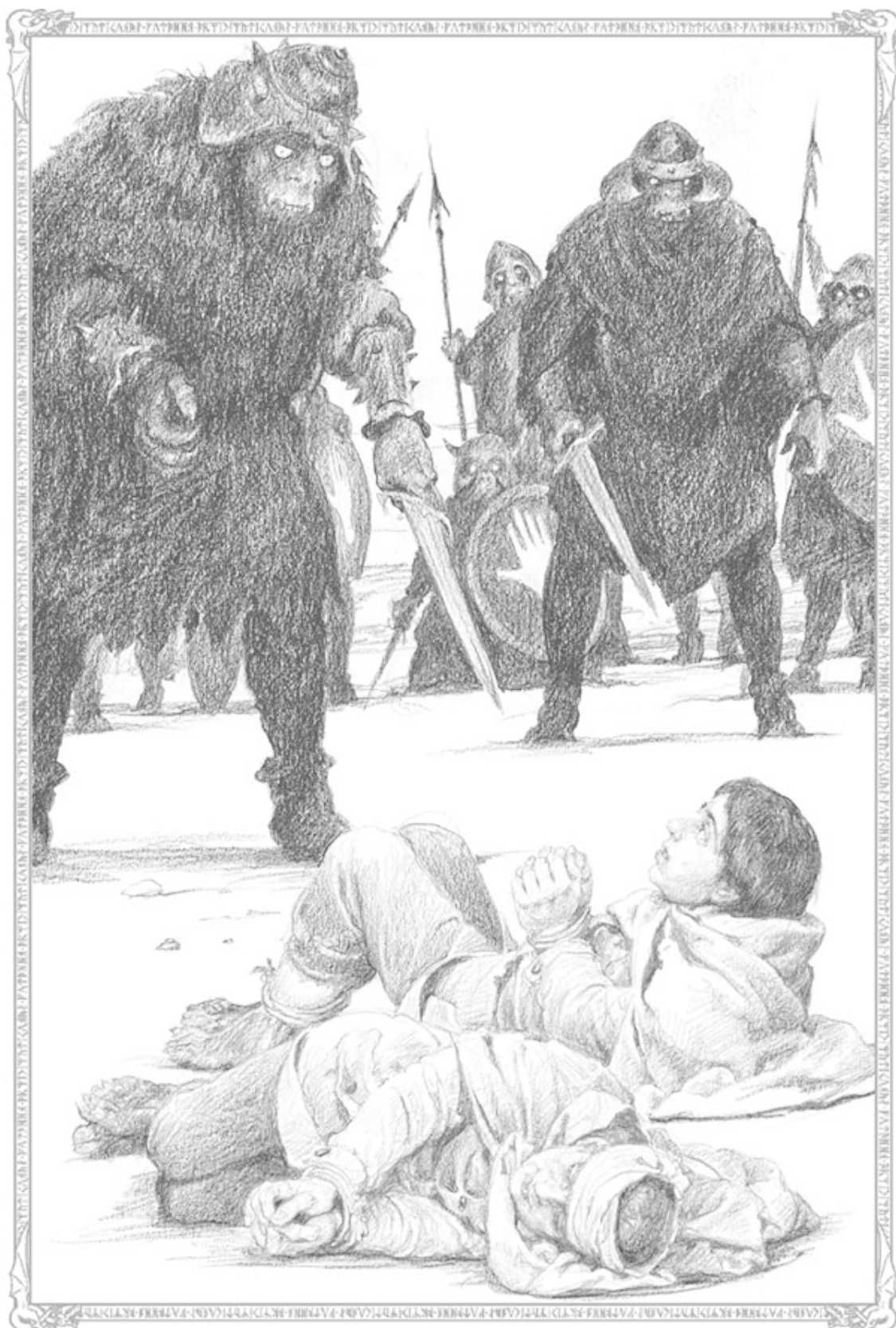
ням стекала кровь убитого гоблина. Орки Углука разбирались с северянами, и хоббиты оказались без присмотра. Ремни крепко стягивали ноги Пиппина, но руки были связаны только в запястьях, к тому же спереди. Он придвинулся ближе и, почти не дыша, поднес связанные руки к лезвию ножа. Через несколько мгновений узел был перерезан. Пиппин снова накиннул веревку на руки и затих.

– Возьмите-ка пленников! – крикнул Углук. – И без шуток! Если они не дотянут до конца, кое-кто отправится вслед за ними.

Один из орков взвалил Пиппина на спину и попрыгал, пристраивая груз поудобнее. Другой проделал то же самое с Мерри. Когтистые лапы сжали Пиппина как клещи, в глазах у хоббита помутилось, сознание покинуло его...

Очнулся он от удара о землю. Ночь только начиналась, но месяц уже клонился к западу. Они стояли на каменистом гребне, как на острове в море тумана. Неподалеку шумела вода.

– Разведчики вернулись, – донесся орочий голос, – все спокойно. Был один Всадник, и тот ускакал на запад.

– Пока спокойно, – буркнул Углук, – да надолго ли? Дурачье! Не могли пристрелить? Теперь коневоды узнают о нас к утру. Прибавим ходу.
Тень наклонилась над Пиппином. Это был Углук.

– Сядь! – сказал он. – Мои парни устали тащить тебя. Впереди спуск, и ты пойдешь сам. Не поднимай шума и не пытайся удрать. Будет больно.

Он разрезал веревки и, взяв Пиппина за волосы, поставил. Хоббит упал, и Угрук поднял его снова. Орки загоготали. Угрук сунул хоббиту фляжку в зубы и влил в рот какую-то гадость. Пиппина обожгло, как огнем, но дрожь в ногах пропала. Он мог стоять.

– Теперь другой! – Угрук подошел к Мерри и пнул его. Мерри застонал. Угрук придал хоббиту сидячее положение, размотал тряпку на голове и намазал рану темной мазью из деревянной коробочки. Мерри кричал и отчаянно отбивался. Орки ржали от восторга.

– Не нравится лекарство! Не понимает своей же пользы. Эй! Давай дальше!

Угрук не обращал на них внимания. Нужно спешить, вот он и лечил хоббита по-своему, и лечение пошло впрок. Угрук дал хлебнуть из фляжки и ему, разрезал веревки и вздернул на ноги. Мерри, немного бледный, но вполне живой, оглядывался сердито и вызывающе. Рана затянулась, остался лишь коричневый рубец, который ему предстояло носить до конца дней.

– Привет, Пиппин! – сказал он. – Так ты тоже путешествуешь с нами? А где же постель и завтрак?

– Заткнитесь! – гаркнул Угрук. – Не разговаривать! Обо всем будет доложено Хозяину, он сам с вами разберется. Получите и постель, и завтрак – больше, чем в вас влезет.

Орки бежали по узкому оврагу, впадавшему в туманную низину. Мерри и Пиппин, разделенные не меньше чем дюжиной урук-хайев, спускались с ними. Внизу виднелась трава, и хоббиты воспряли духом.

– Теперь прямо! – крикнул Угрук. – На запад, чуть севернее.

– А что мы будем делать, когда рассветет? – спросил один из северян.

– Драпать, – ответил Угрук, – а вы хотели посидеть на травке и поболтать с белокожими?

– Мы не побежим при солнце.

– Я подгоню, – с ухмылкой пообещал Угрук. – Двигайте ногами, авось еще раз увидите свои ненаглядные норы. Вперед, за Белую Руку! Никакого проку от этих недоделанных пещерных козляков. Вперед, проклятые! Вперед, пока еще темно!

Орки не придерживались никакого порядка, толкались, переругивались, но бежали быстро. Пиппин уже не выдерживал темпа и отставал: он с утра ничего не ел. Правда, орочье питье пока согревало его, и голова была ясной. Снова и снова вставало перед ним лицо Колоброда, вглядывавшегося в темную тропу. Но даже Следопыт не нашел бы здесь ничего. Слабые следы хоббитов тут же затапывались подбитыми железом башмаками.

Примерно через милю они оказались в широкой мелкой ложине. Почва под ногами стала сырой и мягкой. Туман слабо мерцал в последних лучах луны. Темные силуэты орков расплылись и исчезли в нем.

Внезапная мысль осенила Пиппина. Он круто бросился вправо, проскользнул мимо своего охранника, нырнул в туман – и тут споткнулся и растянулся на траве.

– Стой! – заревел Угрук.

Пиппин вскочил и побежал. Несколько орков кинулись за ним.

«Не убежать, – понял Пиппин. – Остается только оставить знак и надеяться, что его не затопчут». Связанными руками он сорвал с плаща застежку и в тот момент, когда его уже схватили когтистые лапы, разжал пальцы.

«Тут она и останется, – мрачно подумал он, – сам не знаю, зачем я это сделал. Если остальные спаслись, они, наверное, ушли с Фродо».

Его ударили бичом по ногам, и он с трудом подавил крик.

– Хватит! – крикнул Угрук. – Ему еще долго бежать. Но это только задаток, – рявкнул он на Пиппина, – остальное получишь потом. Вперед!

Пиппин и Мерри плохо помнили дальнейшее. Сон и явь слились в бесконечную череду кошмаров, а надежда гасла с каждым шагом. Они все бежали и бежали, стараясь держать темп, заданный орками; снова и снова их обжигали хлесткие удары бича, направляемые меткой рукой. Если они спотыкались или останавливались, орки подхватывали их и какое-то время тащили.

Действие питья давно прекратилось. Пиппин совсем обессилел. Он упал лицом вниз на землю, и крепкие руки с острыми когтями снова тащили его, как тюфяк. Свет померк: может, ночь настала, а может, потемнело в глазах – он не знал.

Смутно различались голоса. Похоже, орки требовали остановиться. Угрук что-то кричал. Пиппина бросили на землю, и он тут же провалился в черное беспмятство. Безжалостные лапы немедленно вцепились в него и принялись трясти. Тьма отступила, он пришел в себя. Было утро.

Пиппин боролся с отчаянием. Голова кружилась, но он согрелся – похоже, ему опять давали глотнуть из фляги. Орк наклонился над ним, протянул хлеб и полоску сушеного мяса. Пиппин жадно сжевал твердый серый хлеб, но к мясу не притронулся. Он был страшно голоден, но даже думать о происхождении этой пищи было противно.

Пиппин сел и осмотрелся. Мерри был неподалеку. Орки остановились на берегу узкой быстрой речки; впереди виднелись горы, лучи солнца уже коснулись далеких вершин. На склонах темнел лес.

Орки снова спорили, куда идти. Одни с тревогой показывали на юг, другие – на восток, каждый старался перекричать соседа.

– Так вы спасаете свои шкуры от белокожих и бросаете добычу псу под хвост! – говорил Угрук. – Отлично! Я ее подберу. Урук-хайи обойдутся без вас. Проваливайте! Туда, в лес! Убирайтесь, быстро, а то снесу пару голов, чтобы добавить ума остальным.

Огрызаясь и отбиваясь, северяне побежали вдоль реки к горам. Хоббиты остались с изенгардскими орками. Их было не меньше восьмидесяти – дикая орда смуглых косоглазых громил с огромными луками и широкими короткими мечами.

– Теперь разберемся с Гришнаком, – сказал Угрук. Но тут даже его стая стала с тревогой поглядывать на юг. – Знаю, – проворчал он. – Этим коневодам достанется от нас только ветер. Все из-за тебя, Снага. Уши вам пооборвать, разведчики... Но мы бойцы, и мы еще полакомимся кониной, а может, и чем-нибудь повкуснее!

Наконец Пиппин понял, почему часть орков показывала на восток. Оттуда доносились пронзительные вопли. Гришнак снова появился, ведя за собой десятка четыре длинноруких кривоногих гоблинов со знаком Багрового Ока на щитах.

Угрук выступил вперед:

– Вернулся все же? Пораскинул мозгами, а?

– Я пришел проверить, хорошо ли выполняется приказ и не случилось ли чего с пленниками, – небрежно бросил Гришнак.

– Да что ты! Напрасно беспокоился. Я уж сам прослежу за своими приказами. Ну, что тебе еще? Ты так торопился уйти, может, забыл чего?

– Забыл, что доверил дело дураку, – проворчал Гришнак. – Оставил тут кое-что ценное, оно не должно пропасть.

– Превосходно, – захохотал Угрук. – Только ты не с того начал. Приближаются белокожие. Где твой хваленый назгул? Под ним снова убили лошадь? Позвал бы хоть его, если у твоих хозяев нет ничего получше.

– Потихе про назгулов, – заметно вздрогнув, проговорил Гришнак. – Тебе такое и в самом страшном сне не привидится. Скоро пожалеешь, что болтал о том, чего не понимаешь. Их питает Великое Око, но оно пока не позволяет им показываться за Рекой.

– Ты много знаешь, – сказал Углук, – пожалуй, чересчур много. В Мордоре наверняка полюбобытствуют, откуда. Не распускай нюни! Урук-хайи сделают всю грязную работу. Собери своих и веди к лесу, а то можете и не вернуться к Реке живыми. Мы пойдем следом.

Сарумановы орки снова тащили Мерри и Пиппина на себе. Проходили часы, а они все бежали, останавливаясь лишь затем, чтобы перегрузить хоббитов на новых носильщиков. Может, они были сильнее, а может, Гришнак что-то задумал, но мордорские орки пропустили изенгардских вперед и сомкнулись позади. Первыми мчались северяне. Лес медленно приближался.

Пиппин был весь в синяках и ссадинах. Перед глазами мелькали лишь согнутые спины и мощные ноги, двигавшиеся вверх и вниз, безостановочно, словно задавая ритм нескончаемого кошмара.

В полдень они догнали северян, обессиленных от бледного света зимнего солнца. Их головы поникли, языки болтались.

– Козявки! – ржали изенгардские. – Вы зажаритесь, а белокожие сожрут вас. Они уже близко!

Но вскоре стало не до шуток. Стремительные Всадники настигали орков, как мощный поток настигает путников, завязших в зыбком песке.

Сарумановы орки рванулись вперед. Солнце опускалось за Мглистые Горы, тени увеличивались. Мордорцы встряхнулись и тоже прибавили шагу. Лес темнел совсем рядом. То тут, то там виднелись деревья. Начинался подъем, но орки не замедляли бега. Оба – Углук и Гришнак – криками подстегивали отставших на последний рывок.

«Еще могут уйти», – подумал Пиппин. Он с трудом оглянулся. На востоке скачущие по равнине Всадники уже поравнялись с орками. Солнце отражалось от копий и шлемов, золотило развевающиеся волосы. Они окружали орков и, не давая разбежаться, прижимали к реке. Пиппин не представлял, что это за народ. Как он жалел, что в доме Элронда пренебрегал книгами и картами! Но тогда казалось, что план путешествия в надежных руках, и он не мог бы представить себя без Гэндальфа и Колоброда, тем более – без Фродо. Пиппин вспомнил только, что Сполох, конь Гэндальфа, отсюда родом. Это немного обнадеживало.

«Интересно, знают ли всадники о хоббитах? – подумал вдруг Пиппин. – А то убьют нас, как орков, и даже не поймут, что ошиблись. Я, конечно, рад, что этим зверям приходит конец, но я не собираюсь сгинуть вместе с ними!»

Среди Всадников оказались искусные лучники. Они приближались на расстояние выстрела, на полном скаку стреляли по отставшим оркам и быстро уходили из-под ответных стрел. Орки, боясь остановиться, почти не поднимали луков.

До вечера Всадники так и не начали боя. Много орков погибло от стрел, но и осталось еще не менее сотни. В сумерках добрались до бугра Последние полмили казались непреодолимыми. Всадники взяли их в кольцо. Группа орков, не послушав Углука, попыталась пробиться к лесу; вернулись лишь трое.

– Ну, вот и пришли, – усмехнулся Гришнак. – Надеюсь, Великий Углук выведет нас отсюда?

– Отпустите пленников! – приказал Углук, не обращая внимания на Гришнака. – Лугдуш, возьми еще двоих и будешь охранять их. Не убивать, пока белокожие не прорвутся. Покуда я жив, они мне нужны. Ясно? Но чтоб не орали и не сбежали! Свяжите им ноги!

Последнее было выполнено быстро и безжалостно. Правда, хоббитов уложили рядом. Пока орки кричали, шумели и бряцали оружием, им удалось немного пошептать.

– Я уже не думаю об этом, – говорил Мерри. – Мне не уйти далеко даже без веревок!

– *Лембас!* – шепнул Пиппин. – У меня немного есть. А у тебя? По-моему, у нас отобрали только мечи.

– Пакет был в кармане, – ответил Мерри, – но там, наверно, одни крошки остались. Да я все равно не смогу есть из кармана.

– Зато я... – сильный удар напомнил Пиппину, что охрана начеку.

Ночь выдалась тихой и холодной. На выстрел от холма со всех сторон зажглись сторожевые костры. Всадники не показывались у огня, и орки извели впустую немало стрел, пока Угрук не остановил их. От костров не доносилось ни звука. Позднее, когда взошла луна, туманные силуэты Всадников стали изредка мелькать в ее бледном свете.

– Они будут ждать солнца! – проворчал один из стражей. – Может, прорвемся сейчас? О чем только думает этот Угрук?

– Может, скажешь, что он совсем не думает, а? – хмыкнул Угрук, выступив из темноты. – Что он, стало быть, глупее мордорских обезьян и пещерных козявок? У коневодов хватит сил, чтобы смести нас на равнине. К тому же, как мне известно, они видят в темноте лучше других. И не забывайте об их конях! Эти видят даже ночной ветер. Одного только никто из вас не знает – Мэйхур с парнями уже в лесу и может появиться в любую минуту.

Речь Углука, похоже, успокоила изенгардских орков, но остальные приуныли, а кое-кто начал ворчать... Назначили дозорных, но большинство из них легли отдохнуть в приятной темноте. Луна как раз зашла за тучу, и тьма стояла такая, что Пиппин в нескольких шагах ничего не видел. Свет костров не достигал холма. Всадники, однако, не собирались позволить врагам отдыхать до рассвета. Небольшой отряд прокрался к лагерю с восточной стороны и, перебив немало орков, исчез. Угрук бросился туда навести порядок.

Пиппин и Мерри сели: их стражи, изенгардские орки, отправились с Углуком. Мысль о бегстве мелькнула, но тут же растаяла. Две длинные волосатые руки обхватили их за шеи. Уродливая морда Гришнака просунулась между ними, зловонное дыхание обдало лица. Орк начал их обыскивать. Пиппин вздрогнул, когда крепкие холодные пальцы забежали у него по спине.

– Как отдыхается, мои крошки? – шепотом произнес Гришнак, – приятно? Или не очень? Не повезло вам: тут – мечи и кнуты, там – безжалостные копья! Маленькому народу не надо лезть в дела, которые для него слишком велики.

В глазах орка горел алчный огонь. Пиппин, словно прочитав мысли врага, внезапно понял, *что* тот ищет. Холодный страх пробрал хоббита. Гришнак знает о Кольце! Гришнак хочет завладеть им, пока нет Углука. Этим надо воспользоваться, вот только как?

– Так ты его вряд ли найдешь, – шепнул он.

– *Найдешь?* – пальцы Гришнака впились Пиппину в плечо. – Что найдешь? Ты о чем, малыш?

Мгновенье тот молчал, потом тихонько заворчал в темноте:

– *Горлум, горлум,* – и добавил. – Ни о чем, моя прелесть. Гришнак сжимал хоббита все сильнее.

– Ой-хой, – зашипел он, – вот мы о чем! Ой-хой! Это очень, оч-чень опасно, крошки!

– Возможно, – Мерри начал подыгрывать. – Но не только для нас. Да ты и сам все знаешь. Так нужно оно тебе или нет? Сколько дашь?

– Нужно? – переспросил, словно в замешательстве, Гришнак; его руки тряслись. – Сколько дам? Ты о чем?

– О том, – сказал Пиппин, осторожно подбирая слова, – что неприятно возиться в темноте. Развяжи нам ноги, тогда и поговорим.

– Мои маленькие дурачки, – прошипел Гришнак. – Все, что вы знаете, и все, что у вас есть, вы выложите в свое время. Все! Еще и пожалеете, что не можете сказать больше. Так что

спешить нам некуда. Подумайте-ка, почему вы до сих пор живы? Орки сжалились? Или Углук ошибся?

– Уже подумал, – отозвался Мерри. – И как ты собираешься тащить добычу домой? Если мы окажемся в Изенгарде, Великий Гришнак останется с носом. Саруман своего не упустит. Если ты что-то хочешь для себя, сейчас самое время этим заняться.

Гришнак начал терять терпение. Имя Сарумана, казалось, особенно взбесило его. Время шло, паника улеглась. Углук и изенгардцы могли вернуться в любой момент.

– Есть оно у вас? – оскалился он.

– Горлум, горлум! – произнес Пиппин.

– Разрежь веревки! – потребовал Мерри. У орка тряслись руки.

– Проклятые крысята! – зашипел он. – Разрезать веревки? Да я вам все жилы перережу, до костей разделаю! Изрежу на куски! А унести вас отсюда я смогу и один.

Орк схватил хоббитов, и они ужаснулись силе его рук. Каждого хоббита он сунул под мышку и прижал к бокам. Две крепкие ладони зажали им рты. Пригнувшись, Гришнак бросился вперед, быстро и бесшумно добрался до края холма, тенью проскользнул мимо дозорных и заспешил вниз по западному склону к реке, вытекавшей из леса. На широкой равнине перед ним горел всего лишь один костер.

Пройдя десяток шагов, он остановился и прислушался. Все было спокойно, и орк двинулся дальше, пригибаясь к земле. Присел, снова прислушался. Затем, словно решившись на отчаянный рывок, выпрямился. В этот момент перед ним возникла темная фигура всадника. Конь всхрапнул и заржал. Человек крикнул. Гришнак бросился на землю, подминая под себя хоббитов и вытаскивая меч. Меч звякнул, ответ далекого костра блеснул на нем. Из темноты просвистела стрела – то ли искусство воина направило ее, то ли провидение – и угодила в правую руку орка. Он выронил меч и вскрикнул. Послышался быстрый топот копыт, и в тот миг, когда Гришнак вскочил, пытаясь бежать, его настигло копье. С гортанным воплем он рухнул на землю и затих.

Второй всадник мчался на помощь товарищу. Конь легко перескочил через хоббитов, а наездник не заметил их, одетых в эльфийские плащи и не смевших шелохнуться.

Мерри зашевелился первым и прошептал:

– Пока неплохо. Как это мы уцелели?

Ответ последовал немедленно. Крик Гришнака слышали не только всадники. По воплям на холме хоббиты поняли, что Углук вернулся и их исчезновение обнаружено. Неожиданно ответные крики орков раздались со стороны леса, за кольцом огней. Похоже, появился Мэйхур. Часть Всадников теснее сомкнула кольцо вокруг холма, подставив себя под орочьи стрелы и не давая стаям соединиться, пока остальные расправлялись с пришельцами. Пиппин и Мерри обнаружили, что оказались за кольцом окружения.

– Если бы не веревки, мы могли бы спастись, но эти узлы мне не по зубам, – заявил Мерри.

– Обойдемся и так, – Пиппин вытащил руки из веревочной петли и достал пакет. – Сначала подкрепись.

Лепешки, обернутые листьями, помялись, но и только. Хоббиты съели по два куса. Вкус *лембас* напомнил о друзьях, веселых вечеринках, песнях и смехе. Они задумчиво жевали, прислушиваясь к крикам и близкому шуму битвы. Пиппин первый вернулся к действительности.

– Пора удирать, – решил он. – Ну-ка, минутку!

Меч Гришнака валялся рядом, но был слишком громоздким для хоббита. Пиппин подполз к орку и вытащил из ножен длинный острый нож. Им они и перерезали путы.

– Теперь туда! – Пиппин махнул рукой в сторону берега. – Когда согремся, наверное, сможем идти. Но пока лучше ползти.

И они поползли. Почва была мягкой, но способ передвижения не отличался быстротой. Хоббиты обогнули костер и добрались до реки, журчавшей в тени высокого берега. Только тогда они оглянулись. Похоже, с Мэйхуром и его «парнями» было покончено. Всадники продолжали молчаливый зловещий дозор. Ночь близилась к концу. Небо на востоке начинало светлеть.

– Надо спрятаться, – заявил Пиппин, – а то нас могут увидеть. Мало радости, если Всадники сначала убьют нас, а потом обнаружат, что ошиблись.

Он поднялся на ноги.

– Похоже, согреваются. Я могу идти. А ты как?

Мерри встал.

– Да, – удивился он, – и я тоже. Лембас согревает сердце! И на вкус поприятнее, чем оро-чье питье. Из чего только его делают? Впрочем, лучше не знать. Выпьем водички, смоем мысли об этой дряни!

– Здесь слишком круто, – сказал Пиппин, – пойдем дальше.

Они неторопливо пошли рядом вдоль реки. Небо впереди светлело. Они болтали, как умеют одни лишь хоббиты, обо всем, что с ними приключилось. Ни один невольный слушатель не поверил бы, что эти двое только что чудом избежали пыток и мучительной смерти; и даже сейчас, как они хорошо понимали, им вряд ли удастся встретить друзей или избежать новых опасностей.

– Вы неплохо держались, доблестный Тук, – говорил Мерри, – вам отведут целую главу в книге Бильбо, если когда-нибудь мне доведется ему обо всем рассказать. Здорово ты обставил этого волосатого Гриشناка, да еще в игру, которую он сам и затеял... Однако я не уверен, что кто-нибудь пойдет по той тропе и наткнется на твою застужку. Я бы ни за что не расстался со своей, но твоя, кажется, пропала навсегда. Ладно, вот причешу пятки и сравняюсь с тобой, любезный Перегрин. Ручаюсь, ты плохо представляешь, где мы оказались. А я в Дольне даром времени не терял. Так вот: мы идем на запад, вдоль реки Энтов, а впереди – отроги Мглистых Гор и Лес Фангорна.

Лес темнел прямо перед ними. Казалось, ночь уползала в него от надвигающегося рассвета.

– Ведите, уважаемый Мериадок! – согласился Пиппин. – Туда... или обратно. Нас предупреждали насчет Фангорна. Но столь сведущий проводник, конечно, и сам помнит об этом.

– Я помню, – кивнул Мерри, – но в лесу, по-моему, лучше, чем на поле боя.

Хоббиты вошли в лес. Деревья вокруг казались очень древними. Мох покрывал огромные ветви и свисал клочьями, шевелясь от ветра. В тусклом свете утренних сумерек карабкающиеся по склону хоббиты походили на эльфийских детей из давно ушедших времен, встречающих на краю девственного леса свой первый рассвет.

Вдали, за Великой Рекой и Бурыми Землями, разгоралась заря, алая, как пламя. Приветствуя ее, запели боевые рога Всадников, и их звуки далеко разнеслись в чистом холодном воздухе. Пиппин и Мерри слышали ржание коней, переключку рогов, а потом неожиданно – пение воинов. Огненный диск солнца показался из-за края земли. Тогда с грозным кличем Всадники ударили с востока. Красными искрами вспыхивали их кольчуги и копья. Орки с визгом выпускали по ним оставшиеся стрелы. Хоббиты видели, как упали несколько Всадников, но сомкнутый строй их прошел по вершине холма, обогнул ее и атаковал орков снова. Чудом уцелевшие враги бросились врассыпную, но смерть настигала их одного за другим. Лишь одна свора, сбившись черным клином, отчаянно пробивалась к лесу. Они бежали прямо на хоббитов и, казалось, могли пробиться – трех Всадников, преграждавших им путь, они просто смели.

– Мы слишком засмотрелись, – сказал Мерри, – это Углюк! Я вовсе не хочу снова встретиться с ним.

Хоббиты повернулись и бросились в глубь леса.

Так случилось, что они не видели конца сражения. Углука настигли у самой опушки. Сам Йомер, спешившись, сразил его мечом. А на широкой равнине остроглазые Всадники уничтожили остальных.

С погребальными песнями воины возвели курган над павшими товарищами; затем, разложив огромный костер, развеяли по ветру пепел своих врагов.

Так кончился набег, слух о котором не достиг ни Изенгарда, ни Мордора. Но дым пожара еще долго поднимался к небесам, и его видели многие внимательные глаза...

Глава IV

Фангорн

Пиппин и Мерри пробирались неведь куда сквозь чащобу. Берег ручья вел их на запад, вверх по горным склонам, все дальше в Лес Фангорна Постепенно страх перед орками отступил, они пошли медленнее и тут обратили внимание на странное удушье. Воздух как будто растаял и перестал питать легкие. Мерри остановился.

– Больше не могу, – пропыхтел он. – Я совсем задыхаюсь.

– Давай хотя бы попьем, – сказал Пиппин. – У меня во рту все пересохло.

Он вскарабкался на огромный древесный корень, спускавшийся в воду и, нагнувшись, зачерпнул сложенными ладонями. Вода была холодной и чистой, и он пил долго. Мерри последовал его примеру. Вода освежила их и, казалось, вселила бодрость в сердца. Хоббиты с удовольствием расположились на берегу ручья, опустив израненные ноги в поток и разглядывая деревья, сплошной стеной обступившие их со всех сторон. Между стволами стоял серый полумрак.

– Как ты думаешь, мы не заблудились? – спросил Пиппин, устраиваясь поудобнее у подножия огромного древесного ствола. – Я думаю, надо идти вдоль ручья, тогда хоть назад можно будет вернуться.

– Пойти-то можно, вот только ноги не идут, – вздохнул Мерри. – Ты чувствуешь, какой здесь воздух?

– Душно очень, и туман какой-то... – отозвался Пиппин. – Мне вспомнилась старая комната в Большой Усадьбе Туков: огромная, знаешь, такая усадьба, мебель там не меняли и не двигали много поколений. Говорят, Старый Тук жил очень долго, а комната старела и дряхлаела вместе с ним. Потом он помер, лет сто назад, но там все равно ничего не изменилось. Ну, так это пустяки по сравнению с древностью этого леса Посмотри, как ветки обросли лишайником! А на деревьях полно старой листвы, похоже, она никогда и не опадает. Странно. Не могу представить, как здесь будет весной – если она когда-нибудь сюда придет.

– Но солнце-то должно иногда появляться, – сказал Мерри. – Я помню, как у Бильбо описано Сумеречье. Там была сплошная темень, скрывавшая страшные вещи. А здесь просто душно. Деревья, что ли, очень густо растут? По-моему, здесь никакой зверь долго не выживет.

– Да и хоббит, пожалуй, тоже, – проворчал Пиппин. – Как подумаю, что придется тащиться через этот лес, так тошно становится. К тому же едой здесь и не пахнет. Сколько у нас припасов?

– Маловато.

Они посмотрели, что осталось от эльфийских лепешек: раскрошенные кусочки, которых хватит не больше чем на четыре-пять полуголодных дней, вот и все.

– И у нас нет ни одного одеяла, – сказал Мерри. – Куда бы мы ни пошли, ночью все одно замерзнем.

– Насчет дороги лучше решать сейчас, – подумав, произнес Пиппин. – Должно быть, наступает утро.

В этот миг они заметили слабый желтоватый свет, проглядывающий сквозь деревья; казалось, солнечные стрелы там внезапно пробили крышу леса.

– Привет! – воскликнул Мерри. – Похоже, пока мы сидели здесь, солнце забежало за тучку, а теперь опять выбежало, а может, просто поднялось повыше, чтобы выглянуть сквозь какой-нибудь просвет. Он, должно быть, недалеко. Пойдем посмотрим.

Оказалось, это дальше, чем они предполагали. Местность постепенно поднималась и становилась более каменистой. Свет разливался все шире, и скоро они оказались у скальной стены: не то перед склоном холма, не то перед отрогом дальнего хребта Здесь не росло

ни одного деревца, и солнце ярко освещало вершину. Насколько запущенным и серым выглядело все раньше, настолько теперь лес светился коричневыми и темно-серыми оттенками коры, гладкой, как полированная кожа. Ветви подернулись зеленоватой дымкой – первый признак весны.

На крутом каменистом склоне обнаружилось нечто похожее на лестницу. Ее грубые и неровные ступени проточили, скорее всего, вода и ветер. Высоко, почти вровень с вершинами деревьев, виднелся уступ, над ним нависала отвесная стена. Уступ порос травой, его украшал огромный корявый пенёк с двумя изогнутыми ветвями; в неверном утреннем свете он напоминал фигуру какого-то старика.

– Айда наверх! – радостно воскликнул Мерри. – Подышим вволю и осмотримся!

Они полезли вверх. Если лестницу и делал кто-то, то явно рассчитывая на ноги побольше и подлиннее, чем у хоббитов. Они были слишком возбуждены, чтобы заметить и удивиться, как необыкновенно быстро зажили рубцы и язвы, оставшиеся после плена, как быстро вернулись силы. Они забрались на край уступа, почти у подножия старого пня; став спиной к холму и глубоко дыша, посмотрели на восток. Оказалось, что в глубь леса они прошли всего три-четыре лиги. Вершины деревьев спускались по склонам к долине. Там, у самого края леса, очень далеко, поднимались клубящиеся столбы черного дыма, волнами плывшего по направлению к ним.

– Ветер меняется, – сказал Мерри, – и опять с востока... Чувствуешь, как холодает?

– Да. Боюсь, что солнце проглянуло ненадолго и скоро все опять затянет тучами. Как жаль! Этот старый запущенный лес при солнечном свете совсем другой. Я почти полюбил его!

– Почти полюбил лес! Вот это славно! Очень любезно с вашей стороны, – произнес странный голос. – Повернитесь-ка, дайте взглянуть на ваши лица. Похоже, вы мне не очень-то нравитесь, однако не будем спешить. Повернитесь!

Большие узловатые ладони легли на их плечи, и их повернули, мягко, но настойчиво; затем две огромные руки подняли их.

Перед хоббитами было совершенно необычное существо. Оно походило не то на человека, не то на тролля, футов четырнадцати ростом, с длинной головой и почти без шеи. Гладкая коричневая кожа рук мало походила на грубую серо-зеленую кору, покрывавшую остальное тело. На огромных ногах было по семь пальцев. Нижняя часть длинного лица заросла широкой седой бородой, кустистой, у основания напоминавшей тонкие прутья, а на концах похожей на мох. Но в первый момент хоббиты не заметили ничего, кроме глаз. Эти глубокие глаза теперь разглядывали их, сосредоточенно, очень пронизательно. Они были коричневыми, в их глубине то и дело вспыхивал зеленый огонек. Потом Пиппин часто пытался рассказать о своем первом впечатлении от этих удивительных глаз. Казалось, их наполняет вековая память и долгие, медленные, размеренные размышления, а поверхность искрится настоящим: так бывает, когда солнце играет в кроне гигантского дерева или на волнах очень глубокого озера “Не знаю, но мне почудилось, – говорил он, – будто что-то, что росло в земле – сонное вроде как – вдруг пробудилось и изучает нас так же медленно, как жило на протяжении бесконечных лет”.

– *Грум, хумм*, – пробормотал голос, низкий, как у какого-нибудь деревянного духового инструмента. – Очень странно! Не спешить – вот мое правило! Если бы я увидел вас прежде, чем услышал голоса, – а мне они понравились, приятные голоски, они напомнили мне что-то, но что, я не могу вспомнить, – если бы я увидел вас прежде, чем услышал, я бы попросту раздавил вас, приняв за маленьких орков, и лишь потом обнаружил бы ошибку. Очень вы странные, в самом деле. Корни и ветви! Очень странные!

Пиппин хотя и не оправился от удивления, но больше не боялся. Под взглядом этих глаз он чувствовал скорее любопытство, чем страх.

– Простите, – осведомился он, – вы кто? Или... что?

Подозрительность и настороженность промелькнула в старых глазах; глубина их как-то изменилась.

– Грумм... – ответил голос. – Ну, я – энт. Во всяком случае, так меня называют. Да, энт, вот это самое слово. Некоторые называют меня Фангорн, другие – Древобород. Пусть будет Фангорн.

– *Энт?* – переспросил Мерри. – Я такого и не слышал. А вы-то сами как себя зовете? Как ваше настоящее имя?

– Ух! – вздохнул Фангорн. – Ух! Не надо спешить. Я и сам собираюсь задавать вопросы. Вы в моей стране. Кто вы такие, вот что интересно знать. Я не могу найти вам места. Похоже, вас нет в старых списках, которые я учил в молодости. Правда, это было так давно... Могли появиться новые списки. Посмотрим, посмотрим! Как это там...

*Помни о всех обитателях мира!
Знай: есть четыре свободных народа:
Эльфы, пришедшие в древнее время;
Гномы, живущие в темных пещерах;
Энты, рожденные дикой землею;
Люди – им гордые кони послушны...*

Хм, хм, хм...

*Мощные лоси, коварные лисы,
Пчелы звенящие, совы ночные,
Зайцы пугливые, злобные волки...*

Хм, хм...

*Буйволы в поле, орлы в поднебесье,
Быстрые ястребы, юркие белки,
Белые чайки, холодные змеи...*

Хум, хм, хум, хм, как там дальше? Трам-пам-пам, там-там, тарам-пам-пам, там-там... Длинный этот список. Но как бы там ни было, вы, похоже, в него все равно не вмещаетесь!

– Ох! Мы всегда не вмещаемся в старые списки и в старые истории, – вздохнул Мерри, – хотя и существуем уже довольно давно. Мы – хоббиты.

– Почему бы не придумать новую строку? – предложил Пиппин.

Хоббиты малые в норках уютных...

Помести нас среди тех четырех, следом за людьми – мы зовем их Верзилами, – и все будет в порядке.

– Хм! Неплохо, неплохо, – задумчиво произнес Фангорн, – сойдет. Так вы живете в норках, а? Звучит вполне правдоподобно. Кто же это вас так называет: «хоббиты»? На эльфийский непохоже. Все старые слова ведь эльфы придумали; с них все началось.

– Никто больше нас так не называет. Мы сами так себя зовем, – сказал Пиппин.

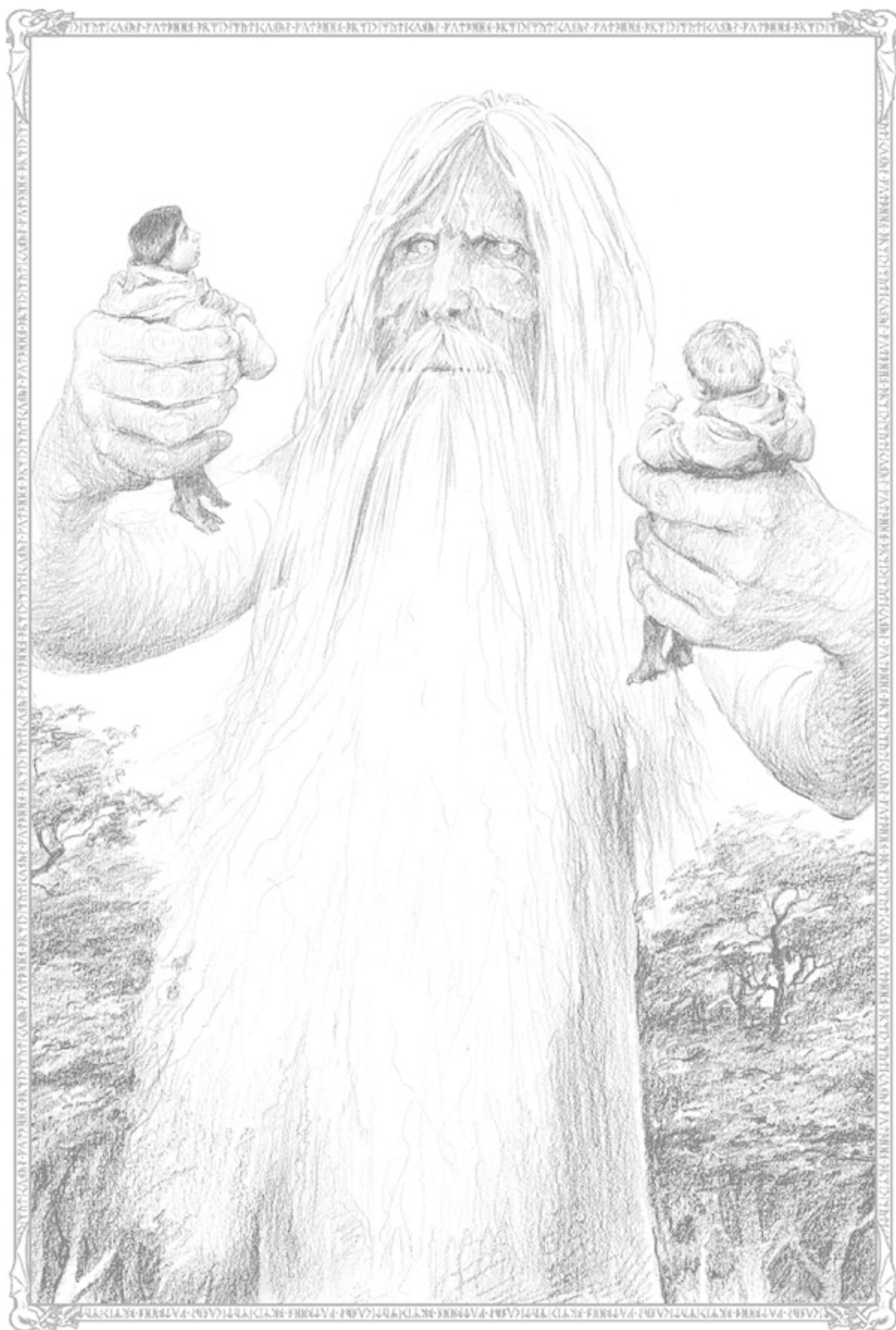
– Хум, хмм... Не торопиться! Никакой спешки! Вы, стало быть, называете себя хоббитами? Но об этом не стоит говорить каждому встречному. Так, чего доброго, свое настоящее имя выболтаешь, если вовремя не спохватишься.

– А чего спохватываться? – удивился Мерри. – Вот я, например, Брендискок, Мериадок Брендискок, хотя многие зовут меня просто Мерри.

– А я – Тук, Перегрин Тук, хотя вообще-то меня называют Пиппин.

– Хм. Ну, вы все-таки торопливый народ, как я погляжу, – сказал Фангорн. – Я польщен вашим доверием, но, пожалуй, не стоит предоставлять вам слишком много свободы сразу. Знаете ли, есть энты и есть энты; иными словами, есть энты, а есть кое-что похожее на энтов, как вы могли бы сказать. Я буду звать вас Мерри и Пиппин, если вы не возражаете, – славные имена. А я пока подожду говорить вам свое имя, да, пока подожду. – Станный, сочувственный и насмешливый огонек засветился в его глазах. – Да, ни в коем случае! Во-первых, это заняло бы слишком много времени: мое имя ведь росло вместе со мной, а я жил долго, очень долго; так что мое имя – это, считай, история. Настоящие имена рассказывают историю вещей, которым принадлежат, – так это в моем языке, старом энтском, как вы бы сказали. Это замечательный язык, но нужно очень много времени, чтобы сказать на нем что-нибудь. Поэтому мы не говорим на нем ничего, кроме достойных долгих речей для долгого слушания. А теперь, – и глаза стали яркими, «сегодняшними», казалось, они даже уменьшились и заострились, – расскажите-ка мне, что происходит? Что вы здесь делаете? Я многое вижу и чую с этого... с этого... с *этого а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-араме*. Да, вы уж извините меня, я не знаю нужного слова на внешних языках: знаете, та вещь, на которой мы находимся, где я стою, любуясь прекрасным утром, думаю о солнце, о лесной траве, о лошадях, облаках, о цветении мира... Да, что происходит? Что там замышляет Гэндальф? И эти – *барарум*, – он издал рокочущий звук, как большой расстроенный орган, – эти орки; и молодой Саруман в своем Изенгарде? Я люблю новости. Только помедленнее.

– Многое происходит, – сказал Мерри, – даже если быстро рассказывать – это надолго. Но вы велите не спешить. Может, тогда лучше ничего не рассказывать? Вам не покажется невежливым с нашей стороны, если мы спросим, что вы собираетесь с нами делать? На чьей вы стороне? И откуда знаете Гэндальфа?

– Да вот уж знаю. Он единственный мудрец, который заботится о деревьях, – ответил старый энт. – А вы его тоже знаете?

– Да, – печально произнес Пиппин. – Он был нашим самым большим другом и предводителем.

– О, тогда я могу ответить на ваши вопросы. Я ничего не собираюсь делать с вами. Но мы могли бы кое-что сделать вместе. Я ничего не знаю и знать не хочу ни о каких сторонах. Я иду своей дорогой и думаю, что ваш путь на некоторое время может совпасть с ней. Но вы говорите о Гэндальфе так, будто его история подошла к концу?

– Да, – вздохнул Пиппин. – История-то продолжается, а вот Гэндальфа в ней уже не будет. Фангорн долго молчал, внимательно глядя на хоббитов.

– Хумм, о, не знаю, что и сказать, – молвил он наконец. – Продолжайте.

– Если вы хотите знать больше, – проникновенно сказал Мерри, – мы расскажем. Но это займет некоторое время. Вы не опустите нас? Мы бы посидели тут вместе на солнышке, пока оно еще есть... Вы, должно быть, устали держать нас на весу?..

– Хм, устал? Нет, я не устал. Я так быстро не устаю. И не сажусь. Я не очень, хм, гибкий. Но солнце уходит. Давайте уйдем с этого... как, вы сказали, оно называется?

– Холм? – предположил Мерри. – Уступ, ступенька?

Энт тщательно повторил слова, словно попробовал их на вкус.

– Холм. Да, это так. Но это слишком поспешное слово для вещи, которая стоит здесь с тех пор, как эта часть мира обрела свой вид. Ну, ничего. Пойдемте отсюда.

– А куда? – спросил Мерри.

– В мой дом, или в один из моих домов, – степенно ответил Фангорн.

– Это далеко?

– Не знаю. Может – далеко, может – нет. Какая разница?

– Да в общем-то никакой. Но, понимаете, у нас почти ничего не осталось, мы все потеряли, – сказал Мерри. – И у нас очень мало еды.

– О! Хм! Об этом не надо беспокоиться. Я дам вам питья, от которого вы долго-долго будете зелеными и растущими. Но если вы решите отпочковаться, я могу высадить вас где угодно. Вперед!

Осторожно, но уверенно держа хоббитов на сгибах рук, Фангорн поднял одну большую ногу, затем другую и направился к краю уступа. Корнеподобные пальцы ног вцепились в скалы. Он торжественно спустился по ступеням и вошел в лес.

Там он сразу направился сквозь заросли, все глубже и глубже, не удаляясь от ручья и все время поднимаясь по горному склону. Многие деревья, казалось, спали или обращали на Фангорна не больше внимания, чем на любого другого случайного прохожего; иные вздрагивали, а некоторые поднимали ветви над его головой. Он шел и разговаривал сам с собой – как будто бежал долгий поток мелодичных низких звуков.

Некоторое время хоббиты молчали. Как ни странно, они чувствовали себя уютно и в безопасности, и у них было о чем подумать и чему поудивляться. Наконец Пиппин решился снова заговорить.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – могу я спросить вас кое о чем? Почему Келеберн предупреждал нас против вашего леса? Он уговаривал нас не рисковать и говорил, что здесь кроется западня.

– Хм, он так и сказал? – пророкотал Фангорн. – И я мог бы сказать то же самое, если бы вы шли другим путем. Бойся попасть в западню в лесах *Лаурелиндоренана*! Так обычно его называли эльфы, но теперь они нашли более короткое имя: Лотлориен. Возможно, они правы: может быть, он увядает, а не растет. Земля долины Поющего Золота – вот что там было в древние времена. Теперь это Цветок Грез. О, это странное место, и не всякий рискнет появиться там. Я поражен, что вам удалось самим выбраться оттуда. Но меня еще больше удивляет, как вы туда попали. Путников там не бывало уже много лет. Да, странное место... Место печали и скорби. *Ааурелиндоренан линделорендор малинорнелион орнемалин*, – медленным речитативом проговорил он. – Только за пределами Лаурелиндоренана, по-моему, листья падают чаще... И эта

страна, и все прочие, кроме Золотого Леса, стали иными с тех пор, когда Келеберн был молодым. Только... хум, хм, *Таурелиломеа-тумбалеморна Тумбалетауреа Аомеанор*, так они говорили. Конечно, многое изменилось, но не везде же, так что это верно.

– Что верно? – поинтересовался обескураженный Пиппин.

– Да про деревья и про энтов. Я не все понимаю из того, что происходит, так что не могу объяснить. Некоторые из нас все еще настоящие энты, но вот многие засыпают, деревенеют, как вы бы сказали. Большинство деревьев – деревья и есть, но некоторые наполовину пробудились, а некоторые пробудились уже совсем... а кое-кто становится энтами. Так всегда было.

Когда это случается с деревьями, оказывается, что у некоторых плохие сердца. Сердцевина здесь ни при чем, я не это имею в виду. О, я знал несколько славных старых ив в нижнем течении Энтовой Купели; они были сплошь в дуплах, разваливались на куски, но были тихи и ласковы, как юный лист. А есть деревья в долинах, у подножия гор, они громогласны, как колокол, но насквозь испорчены. Такое теперь все чаще случается. Здесь появилось много опасных мест. Есть совсем черные пятна...

– Как Сумеречье на севере? – спросил Мерри.

– Вот, вот, что-то вроде этого, но гораздо хуже. Я знаю, что север затемнен, а на этой земле есть такие глубокие долины, где тьма никогда и не поднималась и где деревья еще старше меня. Мы делаем что можем, не пускаем безрассудных путников, воспитываем, учим, расчищаем.

Мы, старые энты, – пастыри деревьев. Нас теперь немного осталось. Говорят, что со временем овцы становятся похожи на пастухов, а пастухи – на овец. Это, конечно, не сразу, а потом, овцы – они недолговечны. У деревьев и у энтов все быстрее и ближе, они вместе идут сквозь века. Энты кое в чем похожи на эльфов: они меньше заняты собой, чем люди, лучше вникают в суть вещей. В то же время энты похожи и на людей: быстрее меняются, чем эльфы, и быстрее приспосабливаются, можно сказать. Энты лучше, чем те и другие, потому что они последовательны и дольше размышляют над тем, что происходит.

Кое-кто из моей семьи теперь совсем одеревенел и едва шепчет. Нужно что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы пробудить их. Зато некоторые из моих деревьев очень подвижны, многие могут говорить со мной. Конечно, начали все эльфы. Это они пробуждали деревья, учили их разговаривать и слушали их. Первые эльфы всегда хотели со всеми разговаривать. А потом наступила Великая Тьма, и они уплыли за море, разлетелись по дальним долинам и сложили песни о днях, которые никогда не вернуться. Никогда... Эх, эх, эх, в былое время отсюда и до Синих Гор тянулся один лес, и все это называлось Восточным Краем. То были просторные дни! Бывало, я мог идти и петь весь день, и не слышать ничего, кроме эха в холмистых ущельях. Здешние леса были похожи на леса Лотлориена, только гуще, сильнее, моложе. А какой аромат! Бывало, я целые недели дышал и больше ничего не делал.

Фангорн умолк, бесшумно шагая на своих огромных ногах. Затем он опять захмыкал, хмыканье перешло в бормотанье. Хоббиты не сразу поняли, что старый энт поет какую-то древнюю песню...

К ивовым кущам Тазаринана я приходил по весне.

О краски, о ароматы весны в Нан-Тазарионе!

– Здесь хорошо! – говорил я.

У вязов Оссирианда скитался я летом.

О свет, о мелодии лета у Семиречья Оссира!

– Здесь лучшие, – думалось мне.

По осени буки Нэлдорета принимали меня.

О алое золото, о шепоты осени в Таур-на-Нэлдор!

– Здесь лучшие всего, – я думал.

К соснам в нагорьях Дортониона я приходил зимой.

*О, белые ветры меж черных ветвей в Ород-на-Тоне!
И мой голос летел в небеса.
Ныне земли эти укрыты волнами,
А со мною остались – Амбарона, Тауреморна,
Альдаломэ,
Да моя земля, лес мой Фангорн,
Чьи корни ушли в глубины земли,
А лет миновало гуще, чем опало листвы
В Тауреморналомэ.*

Потом их спутник замолчал и шествовал дальше в полной тишине. Во всем лесу не было ни звука.

День шел на убыль, и сумерки окутывали стволы деревьев. Наконец хоббиты увидели вздымающиеся перед ними неясные темные тени; они пришли к подножию гор. Навстречу, со склонов холма, каскадами сбегал поток – юная Энтова Купель. На правом берегу виднелся длинный склон, одетый травой, в сумерках казавшейся серой. Деревья там не росли, склон был открыт небу; звезды сияли в небесных озерах, окруженных берегами облаков.

Тем же размеренным шагом Фангорн направился вверх по склону. Внезапно хоббиты увидели впереди широкий вход. Два больших дерева стояли по сторонам, как живые столбы ворот, и переплетенные ветви поднялись при их приближении. То были вечнозеленые деревья, их гладкие и темные листья таинственно мерцали в полумраке. За ними открывалось широкое ровное пространство, как будто в склоне холма вырезали большой грот. По обе стороны на высоту более пятидесяти футов вздымались стены; вдоль каждой стены стояли деревья, и чем глубже, тем выше. Дальний конец грота замыкала отвесная скала, но у подножия была неглубокая ниша со сводчатым потолком – единственная крыша этого удивительного жилища, если не считать ветвей, заплетавших грот снизу доверху, оставляя лишь широкий проход в середине. Маленький поток падал сверху и, звеня, разбивался на серебряные брызги, образуя возле ниши подобие чудесного занавеса. Вода собиралась в каменный бассейн между деревьями и бежала оттуда вдоль тропы, чтобы присоединиться к Энтовой Купели в ее странствиях по лесу.

– Хм! Вот мы и тут! – сказал Фангорн, нарушая долгое молчание. – Мы прошли примерно семьдесят тысяч энтовых шагов, а сколько это по-вашему – не знаю. Как бы то ни было, мы теперь у подножия Последней Горы. Мне здесь нравится. Заночуем здесь.

Он опустил их на траву между деревьями, и они пошли за ним к большой арке. Хоббиты заметили теперь, что колени энта не сгибались при ходьбе, но ноги ступали широко, причем прежде всего в землю впились пальцы ног, очень большие и широкие.

Минуту Фангорн потоптался под водопадом, сделал глубокий вдох, засмеялся и прошел внутрь. Там стоял большой каменный стол, но не видно было ни одного сиденья. В глубине ниши было уже темно. Энт поднял два больших сосуда и поставил их на стол. Казалось, что в них простая вода, однако он подержал над ними руки, и кувшины начали разгораться: первый – золотым, второй – ярко-зеленым светом. Будто летнее солнце пробилось сквозь покров молодой листвы, освещая нишу. Обернувшись, хоббиты увидели, что деревья тоже засветились, сперва робко, а затем все ярче, пока каждый лист не оказался в кайме света, зеленого, золотого или красного, как медь; древесные стволы походили на колонны, выточенные из самоцветного камня.

– Ну вот, теперь можно и поговорить, – сказал Фангорн. – Полагаю, вы хотите пить, да и устали, наверное. Глотните-ка вот этого.

Он направился к задней стене ниши, где хоббиты увидели несколько высоких каменных кувшинов с тяжелыми крышками. Он сдвинул одну из них, зачерпнул из кувшина большим ковшом и наполнил три кубка – один очень большой и два поменьше.

– Это дом энтов, – объяснил он. – Здесь не на чем сидеть, но вы можете сесть на стол.

Он поднял хоббитов и посадил на огромную каменную плиту, на шесть футов возвышавшуюся над землей. Там они и сидели, болтая ногами и потягивая из кубков.

Питье было похоже на воду, по вкусу очень напоминавшую ту, что они пили из Энтовой Купели у опушки леса, однако имело какой-то привкус, которого они не могли описать; он был неотчетлив, но напоминал запах дальнего леса, который приносит прохладный ночной ветер. Действие напитка сказалось сначала в кончиках пальцев ног, потом постепенно поднялось до корней волос, наливая тело силой и бодростью. Хоббиты почувствовали, как волосы у них на головах встали дыбом, начали виться, волнообразно шевелиться и расти. Фангорн, опустив ноги в бассейн, осушил свой кубок одним глотком – одним длинным медленным глотком. Хоббиты думали, что он никогда не остановится.

Наконец он отставил кубок.

– Ах-ха, хум, хм, теперь легче будет разговаривать. Сидите, где сидите, а я лягу, тогда питье не ударит в голову, и я не усну.

С правой стороны ниши находилась большая кровать на низких ножках, густо покрытая травой и папоротником. Фангорн медленно на нее опустился – лишь с намеком на изгиб посередине – и вытянулся во весь рост, положив руки за голову, глядя в потолок, на котором мелькали отблески, как листья, играющие в солнечном свете. Мерри и Пиппин сели рядом на подушки из травы.

– Теперь рассказывайте вашу сказку, да только не торопясь! – попросил энт.

Хоббиты поведали о своих приключениях с того момента, как покинули Шир. Они говорили довольно беспорядочно, то и дело перебивая друг друга, и Фангорн часто останавливал их, возвращал к более раннему моменту или начинал расспрашивать о событиях более поздних. Они ничего не сказали о Кольце и не объяснили, почему отправились в путь и куда шли, а сам он не спрашивал.

Энта интересовало все: Черные Всадники, Элронд, Древлепуца, Том Бомбадил, пещеры Мории, Лотлориен, Галадриэль. Он заставил их снова и снова описывать Шир. Потом подумал и спросил странно:

– Вы там, в окрестностях, никогда, хм, не видели жен энтов?

– Жен энтов? – опешил Пиппин. – А какие они с виду? Такие же, как вы?

– Да, хм, а может, и нет, я уж теперь и не знаю... – задумчиво произнес Фангорн. – Но им бы понравилась ваша страна, вот я и спросил.

Энт дотошно расспрашивал о Гэндальфе, но более всего его встревожили действия Сарумана. Хоббиты знали немного: рассказ Гэндальфа на Совете в изложении Сэма, да еще то, что Угрук, взявший их в плен, был из Изенгарда и хозяином своим называл Сарумана.

– Хм, хум! – произнес Фангорн, когда их история наконец добралась до схватки между орками и Всадниками. – Ну и ну! Вы рассказали мне массу новостей и, насколько я могу судить, не сделали ни единой ошибки. Конечно, вы рассказали не все, но я не сомневаюсь, что вы действуете так, как хотел бы Гэндальф. Я чувствую, происходит нечто большое, и когда-нибудь, наверное, узнаю, что именно. Корни и ветви! Вот странное дело! Появляется маленький народец, которого нет в старинных списках, и – обратите внимание! – Девять Забытых возрождаются, чтобы охотиться за ними, и Гэндальф берет их в большое путешествие, и Галадриэль дает им приют, и орки преследуют их в дикой земле... Похоже, они попали в ураган! Надеюсь, они его выдержат!

– Ну а вы? – осторожно спросил Мерри.

– Хум, хм, меня не заботят Большие Войны, – сказал Фангорн. – Они касаются эльфов и людей. Пусть этим занимаются мудрецы: они думают о будущем. Чего мне лезть в это дело? Я не придерживаюсь никакой стороны, потому что никто не придерживается моей, если вы меня понимаете: никто не заботится о лесах так, как я, даже эльфы теперь... Хотя к эльфам я отношусь лучше, чем ко всем прочим: эльфы излечили нас от немоты в давние времена, а это дар, о котором нельзя забыть, хотя с тех пор наши пути и разошлись. Но зато есть кое-что, с чем я решительно не согласен, я целиком против этого. Это – *барарум*, – он издал глубокий рокот отвращения, – это орки и их хозяева.

Я тревожился, когда тень накрыла Сумеречье, но перестал беспокоиться, когда она переместилась в Мордор – Мордор далеко. А теперь, кажется, ветер начинает дуть с востока, и он несет старость и увядание всем лесам. Старый энт не в силах сдержать эту бурю: он либо устоит, либо сломается.

Но вот Саруман! Саруман – сосед, я не имею права проглядеть его. Полагаю, я должен что-то сделать. Я часто размышлял, что мне делать с ним.

– А кто он такой? – спросил Пиппин. – Вы что-нибудь знаете о нем?

– Саруман – маг, мудрец, – ответил Фангорн. – Больше, пожалуй, и не скажешь. Я не знаю истории магов. Они появились после того, как из-за Моря пришли Большие Корабли; вот только не знаю, пришли маги с ними или нет. Саруман считался среди них самым сведущим. Некоторое время назад – очень долгое время на ваш счет – он бродил по земле и вмешивался в дела людей и эльфов, а потом осел в Ангреносте, или в Изенгарде, как его называют люди из Рохана. Он начинал незаметно, но слава его быстро росла. Говорят, он был избран главою Белого Совета, но добра это не принесло. Я теперь думаю, что Саруман уже тогда обратился ко злу. Но как бы там ни было, своим соседям он беспокойства не причинял. Мы часто с ним разговаривали. Было время, когда он постоянно бродил по моим лесам. Тогда он был вежлив, всегда спрашивал моего разрешения, по крайней мере при встречах со мной, и очень любил слушать. Я рассказал ему многое из того, чего он сам вовек не узнал бы, но он никогда не платил мне тем же. Я вообще не могу вспомнить, чтобы он мне что-нибудь рассказывал. И чем дальше, тем больше. Его лицо, насколько я помню, – я давно его не видел, – стало похоже на окно в каменной стене со ставнями изнутри.

Думаю, теперь я понимаю, чего он хочет. Он хочет власти. У него на уме металл и колеса, и он не заботится о том, что растет, – если только оно не нужно ему для чего-нибудь. Теперь ясно, что он – черный изменник. Он сошелся с дурным народом – орками. Брм, хум! Хуже того, он сделал с ними что-то опасное. Эти, из Изенгарда, больше похожи на плохих людей. Обычно все злое, пришедшее с Великой Тьмой, не выносит солнца, а вот орки Сарумана как-то притерпелись. Интересно, что он такое сделал? Может быть, они – разрушенные люди, или он скрестил орков и людей? Это было бы черное дело!

Некоторое время назад я заинтересовался, как это орки могут так свободно разгуливать у меня в лесу. И только недавно я понял, что в ответе за это Саруман, и что много лет назад он только и делал, что выводил тайные тропы и другие секреты. Теперь он и его злой народ творят здесь беззакония. На границах они валят деревья – хорошие деревья. Некоторые они срубают и оставляют гнить, но большинство уносят с собой и сжигают в кострах. И день за днем над Изенгардом поднимается дым.

Проклятье на них, корни и ветви! Многие деревья были моими друзьями, я знал их, когда они были еще орешками и желудями; у многих был свой собственный голос, который теперь смолк навсегда. Там, где когда-то пели леса, теперь пустоши с пнями и ежевикой. Я был ленив. Я пустил все на произвол судьбы. Это пора прекратить!

Фангорн поднялся с кровати и хватил рукой по столу. Светящиеся сосуды подпрыгнули и выбросили два языка пламени. В глазах энта трепетал зеленый огонь, борода взъерошилась, как огромная метла.

– Я прекращу это! – прогремел он. – И вы пойдете со мной. Возможно, вы сумеете мне помочь. Тем самым вы поможете и своим друзьям, потому что, если Саруману дать волю, Рохан и Гондор окажутся в кольце врагов. Наши дороги сошлись не случайно, и теперь нам по пути – на Изенгард!

– Мы пойдем с вами, – сказал Мерри, – и сделаем все, что можем.

– Хорошо! – одобрил энт. – Но я поторопился. Я слишком разгорячился. Мне надо остыть и подумать, потому что проще крикнуть: «Прекратить!», чем сделать это.

Некоторое время он постоял под водопадом, затем засмеялся и встряхнулся, и всюду, где на землю падали капли воды, они вспыхивали красными и зелеными искрами. Потом он вновь улегся на кровать и затих.

Через некоторое время хоббиты опять услышали его бормотанье. Казалось, он считал по пальцам.

– Фангорн, Финглас, Фладриф, эх, эх, – вздохнул он. – Беда в том, что нас мало осталось, – и, обернувшись к хоббитам, пояснил: – Только трое из первых энтов, пришедших до Темноты, только я, Финглас и Фладриф – если называть их эльфийскими именами. Из нас троих от них меньше всего пользы. Финглас совсем сонный, одеревеневший, как вы бы сказали. А Фладриф жил к западу от Изенгарда, где случилось худшее из наших несчастий. Он сам был сильно ранен, а многие из его древесных стад убиты. И сделали это орки. Он ушел высоко в горы и не спускается оттуда. Впрочем, я могу собрать неплохую компанию молодых, если сумею объяснить им, что нужно, если смогу пробудить их: мы ведь неторопливый народ. Как жаль, что нас так мало!

– А почему вас так мало, если вы так давно здесь живете? – любопытствовал Пиппин. – У вас многие умерли?

– О, нет! Никто не умер сам по себе, как вы могли бы сказать. Конечно, некоторых стугбили годы, а больше одеревенело. Нас никогда не было много, а хуже то, что нас не становилось больше. Уже много лет у нас не было детей. Знаете, мы потеряли наших жен.

– Как это печально! – воскликнул Пиппин. – Как случилось, что они все умерли?

– Они не умерли! – терпеливо объяснил Фангорн. – Я не говорил «умерли». Мы потеряли их и не можем найти, – он опять вздохнул. – Я думал, большинство народов знает об этом. Песни о нас пели эльфы и люди от Сумеречья до Гондора. Не может быть, чтобы их совсем забыли!

– Наверное, до нас они все-таки не дошли, – посетовал Мерри. – Может, вы расскажете или споете какую-нибудь из этих песен?

– Пожалуй, – произнес Фангорн, казалось, растроганный просьбой. – Но я буду краток: завтра мы должны собрать совет и, быть может, отправимся в путь.

– Это довольно странная и грустная история, – продолжал он после паузы. – Когда мир был молод, а леса просторны и дики, энты и жены энтов жили вместе. Ах, как прекрасна была легконогая Фимбретиль, подруга моей юности! Но сердца наши стремились к разному: энты любили большие деревья, дикие леса и склоны высоких холмов, они пили из горных потоков и ели лишь те плоды, которым деревья позволяли падать на тропу, и они знали с эльфами и разговаривали с деревьями. А жены энтов любили маленькие деревья и залитые солнцем луга у края лесов, и они видели ягоды в зарослях, и дикую яблоню и вишню, расцветающие по весне, и зеленые травы пойменных лугов летом, и колосющиеся травы в осенних полях. Они не желали разговаривать с тем, что росло, но хотели, чтобы все слушалось их и подчинялось им. Жены энтов приказывали растениям расти так, как они того хотели, и приносить плоды и листья по их желанию, потому что жены энтов хотели порядка и изобилия; они считали, что все в мире должно находиться на своем месте, а место это будут определять они. И вот

они начали создавать сады и жить там. Мы же продолжали бродяжничать, а в сады заходили лишь изредка. Когда на север пришла Тьма, жены энтов пересекли Великую Реку, разбили там новые сады и взрастили новые поля. Мы виделись все реже. После победы над Тьмой сады наших жен богато расцвели, и поля были полны зерна. Многие люди тогда познали искусство жен энтов и глубоко чтили их, а мы оставались для людей только легендой, тайной в сердце леса. И вот мы эдесь, а сады наших жен разорены: люди называют их теперь Бурыми Землями.

Помню, давным-давно, еще во время войны Саурана с Людьми из-за Моря, я захотел повидать свою возлюбленную. Она была так прекрасна, когда я в последний раз видел ее, хотя и мало похожа на девушек-энтов прежних времен. Ибо труд сгибал их фигуры до времени, волосы выгорали на солнце до оттенков спелого зерна, а щеки становились похожи на красные яблоки. Только глаза всегда оставались глазами моего народа. Мы перешли через Андуйн, но за ним лежала пустыня. Все было сожжено и раскорчевано, потому что здесь прошла война. Жен энтов там больше не было. Мы долго звали их, долго искали, спрашивали все встречные народы, каким путем ушли наши жены. Некоторые говорили, что никогда их не встречали, кое-кто отвечал, что их видели идущими на запад, по словам других – на восток или на юг. Но мы нигде не могли найти их. Велика была наша печаль. Дикий лес звал нас, и мы вернулись к нему. Много лет мы уходили на поиски, далеко ходили, все звали наших жен, выкликая их прекрасные имена. Но время шло, и мы уходили все реже и уже не так далеко. А теперь жены энтов – только память для нас, и бороды наши длинны и седы. Эльфы сложили множество песен о наших поисках, некоторые из них дошли до людей. Но мы не сочиняли песен, потому что прекрасные имена наших жен звучали в нас, когда мы думали о них. Мы верим, что вновь увидимся с ними и, может быть, нам удастся найти землю, где мы заживем вместе, и все будут довольны. Предсказано, что это случится только тогда, когда и мы, и они потеряем все, что имеем теперь. Вполне может быть, что это время уже близко. Потому что, если когда-то давно Саурон разрушил сады, то сегодняшний Враг, похоже, изведет и леса.

Об этом была эльфийская песня – по крайней мере, я так ее понимаю. Ее распевали по всей Великой Реке. Она никогда не была песней энтов, заметьте: на нашем языке это была бы очень долгая песня. Но мы знаем ее сердцем и вспоминаем часто. Вот как она поется:

*Когда весна придет в леса, зашелестит листвою
И недра сумрачных озер наполнит синевой,
И станет горный воздух чист и сладок, как елей, –
Приди ко мне и пой со мной:
Мой край всего милей!*

*Когда весна придет в сады, и зашумят поля,
И пряным запахом весны наполнится земля,
Когда раскроются цветы среди густых ветвей –
Я не приду к тебе, мой друг.
Мой край всего милей!*

*Когда настанет летний день, и грянет птичий звон,
И оживут лесные сны под сенью ясных крон,
Когда зальет чертог лесной золотой полдневный свет –
Приди ко мне и пой со мной:
Прекрасней края нет!*

*Когда горячий летний день согреет юный плод
И в жарком улье у пчелы созреет светлый мед,*

*Когда зальет цветущий луг золотой полдневный свет –
Я не приду к тебе, мой друг.
Прекрасней края нет!*

*Когда обрушится зима, и землю скроет тень,
И ночь беззвездная уьет короткий серый день,
И лес умрет в туманной мгле – под снегом и дождем,
Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем.*

*Когда обрушится зима, и смолкнет птичья трель,
И сад в пустыню превратит свирепая метель –
Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем,
И мы пойдем – рука в руке – под снегом и дождем!*

Мерри показалось, что окончание песни пропели два голоса: глубокий и низкий – Фангорна, и светлый и прекрасный – его возлюбленной.

*И мы начнем – в руке рука – на Запад долгий путь,
И там, вдали, отыщем край, где можно отдохнуть.*

Песня кончилась.

– Вот так, – сказал Фангорн. – Конечно, песня эльфийская – легкая, с быстрыми словами, и скоро кончается. На мой вкус, она неплоха. Но энты могли бы сказать лучше, если бы у них было время! А теперь я собираюсь встать и поспать немножко. Вы где встанете?

– Мы обычно спим лежа, – смущенно признался Мерри. – Нам хорошо здесь.

– Спать лежа! – удивился Фангорн. – Да, разумеется! Хм, хум... Я забыл. Песня напомнила мне прежние времена, и я говорил с вами, как с молодыми энтами... Что ж, можете лечь на кровать. Я намерен стоять под дождем. Доброй ночи!

Мерри и Пиппин забрались на кровать и укутались мягкой травой и папоротником. Огни погасли, мерцание деревьев поблекло. Снаружи под аркой они видели старого Фангорна, неподвижно стоящего с поднятыми над головой руками. На небе показались яркие звезды, они освещали падающую воду, разбивавшуюся о его пальцы и голову, и рассыпавшуюся у ног сотнями серебряных брызг. Под звон струй хоббиты уснули.

Когда они проснулись, Фангорна уже не было. Пока они плескались в бассейне под аркой, слышалось хмыканье и пение, старый энт показался на тропе меж деревьев.

– Хум, хм! Доброе утро, Мерри и Пиппин! – прогремел он. – Долго же вы спите. Я был за много сотен шагов отсюда. Теперь мы попьем и пойдем на сбор энтов.

Он подал им два кубка, наполненных из каменного кувшина – на этот раз из другого. И вкус был иным: более земляным, более подкрепляющим и, если так можно сказать, более похожим на пищу.

Когда хоббиты насытились напитком и кусочками эльфийских лепешек, Фангорн поднял их на руки, как накануне. У выхода он повернул направо, перешагнул через поток и направился на юг вдоль разрушенных склонов, поросших скудной растительностью. Вскоре он повернул от холмов и углубился в лес, где деревья были больше, выше и гуще, чем хоббитам когда-либо доводилось видеть. Фангорн шел, что-то задумчиво бормоча про себя, но Мерри с Пиппином не могли разобрать ни одного знакомого слова: нечто вроде *бум, бум, рамбум, булар, бум, бум, дахарар бум бум, дахарар гум* и так далее, с постоянно меняющимся ритмом. Иногда им

казалось, что ему кто-то вторит, какие-то звуки доносились из земли, с ветвей над головами, из древесных стволов, но Фангорн не останавливался и не поворачивал головы.

Они ушли уже далеко – Пиппин пытался считать «энтовые шаги», но сбился после трехтысячного, когда Фангорн стал замедлять ход. Внезапно он остановился, спустил хоббитов на землю, поднес ко рту сложенные ладони и издал громкий клич, подобный звуку большого рога. Со всех сторон послышались ответные звуки, но это не было эхо.

Фангорн посадил Пиппина и Мерри на плечи и опять зашагал, поминутно издавая клич, и каждый раз ответ раздавался все ближе и громче. Наконец они подошли к необозримой стене из темных вечнозеленых деревьев, которых хоббиты никогда прежде не видели: ветви росли прямо из корней и были густо покрыты темными блестящими листьями. Множество крепких шипов, усеянных большими оливкового цвета почками, торчало во все стороны.

Свернув налево, Фангорн в несколько шагов достиг узкого прохода в этой живой изгороди. Отсюда начиналась тропа, сбегавшая вдоль ступенчатого склона. Хоббиты увидели, что спускаются в большую лощину, круглую, как чаша, широкую, увенчанную по краям высокими вечнозелеными зарослями. Дно лощины заросло ровной высокой травой. Кроме трех очень красивых серебряных берез, других деревьев здесь не было. Две дороги вели в лощину: одна с запада, другая с востока.

Энты уже собирались. Многие спускались по тропам, некоторые шли следом за Фангорном. Хоббиты смотрели на них во все глаза. Они ожидали увидеть существа, похожие на Фангорна так же, как один хоббит на другого, и были поражены, не обнаружив сходства. Энты отличались друг от друга, как деревья: некоторые – как деревья одной породы, но разного возраста; другие – как одна порода деревьев от другой – береза от бука, например, или дуб от сосны. Там было и несколько старых энтов, заросших бородами и сучковатых, как кряжистые крепкие деревья (хотя старше Фангорна не было никого), были и высокие сильные энты, с чистыми ветвями и гладкой кожей, как зрелые лесные деревья, но не было ни молодых, ни подростков. В лощине их собралось около двух дюжин, и столько же еще подходило.

Вначале хоббиты были ошеломлены разнообразием форм, цвета, высоты, длины конечностей; количество пальцев колебалось от трех до девяти. Некоторые энты казались более или менее сродни Фангорну, они походили на буки или дубы. Некоторые напоминали каштан: коричневокожие, с большими руками и неуклюжими пальцами, с короткими толстыми ногами. При виде других вспоминались ясени: высокие, стройные, с многопалыми руками и длинными ногами; были энты, похожие на сосны (они были выше всех), березы, рябины, липы. Но когда все они столпились вокруг Фангорна, слегка покачивая головами и бормоча что-то музыкальными голосами, посматривая на незнакомцев долгими внимательными взглядами, стало ясно, что это – одно племя: у всех были похожие глаза, не такие старые и глубокие, как у Фангорна, но с таким же вдумчивым выражением и с такими же зелеными огоньками.

Наконец все собрались, и началась любопытная и непонятная беседа. Энты медленно бормотали: начинал один, затем вступал другой, пока все не запели вместе в размеренном восходящем и нисходящем ритме. Пиппин, конечно, не различал и не понимал слов, но поначалу песня-беседа ему понравилась. Потом он начал думать, сколько времени на «неторопливом» языке энтов займут приветствия, и сколько дней Фангорн будет выпевать имена собравшихся. А песня тянулась все в том же ритме и все больше казалась нескончаемой. Пиппин зевнул. Фангорн немедленно прекратил петь и снял хоббитов с плеч.

– Слушать непонятно что – пустое занятие, – сказал он, – тем более для такого нетерпеливого народа, как вы. А слушать незнакомый язык тем более утомительно. Я уже рассказал, как вас зовут, и энты посмотрели на вас, и согласились, что вы – не орки, и что к старым спискам надо добавить еще две строки. Так что здесь вы пока не нужны. Побродите неподалеку. Я найду вас, когда понадобится, и сообщу, как идут дела.

Хоббиты поклонились собранию, чем немало удивили и озадачили энтов, и пошли по тропе, ведущей на запад. Со дна лощины поднимались поросшие деревьями склоны, а за ними, над вершинами сосен, вздымался острый и белый горный пик. К югу виднелся лес, постепенно исчезающий в серой дали. Оттуда разливалось бледно-зеленое сияние, и Мерри догадался, что это отблески бескрайних равнин Рохана.

– Интересно, где находится Изенгард? – спросил Пиппин.

– Если бы я точно знал, где мы теперь, – ответил Мерри. – Вот этот пик, по-видимому, Метедрас; насколько я помню, Изенгард лежит в глубокой расселине у края гор. Возможно, он за этим гребнем. Кажется, оттуда поднимается дымок – вон там, левее пика, да?

– А на что он похож, этот Изенгард? – спросил Пиппин. – Мне интересно, что с ним могут сделать энты?

– Мне тоже. Изенгард – он вообще вроде кольца из скал и холмов с ровной площадкой внутри и не то со скалистым островом, не то с каменной колонной в середине. Это и есть Ортханк, башня Сарумана. В кольце стен есть ворота, и не одни, наверное. Где-то рядом течет Изен. Он берет начало с гор и течет к Гриве Рохана. Вряд ли энтам удастся легко овладеть этой крепостью. Правда, мне думается, эти энты совсем не такие безобидные, как кажется. Они, конечно, медлительны, терпеливы, даже, я бы сказал, печальны, но, по-моему, их можно расшевелить. А если их расшевелить, не хотелось бы мне быть против них.

Они повернули обратно. Энты бормотали по-прежнему. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы заглянуть за край лощины; оно сияло на верхушках берез и освещало северную кромку круга прохладным желтоватым светом. Хоббиты разглядели в той стороне небольшой водопад и направились к нему. Под ноги мягко ложилась вечнозеленая трава, впервые за много дней не нужно было никуда спешить. Они добрались до воды, попили – вода оказалась чистейшей, холодной, обжигающей, – сели на заросший мхом камень и снова стали слушать голоса энтов. Казалось, этому странному месту не было никакого дела до их приключений. Хоббиты вдруг заскучали по друзьям. Им так хотелось увидеть Фродо, Сэма, Колоброда!

В бормотании энтов возникла пауза. К хоббитам вышел Фангорн в сопровождении еще одного энта.

– Хум, хм, вот и я. Пожалуй, вы устали, или сгораєте от любопытства? Ну, для нетерпения еще не время. Мы только начали: мне надо все объяснить тем, кто живет далеко и не знает о последних событиях, а уж потом мы решим, что делать дальше. Решиться-то энтам недолго, главное – обсудить все как следует. Не буду скрывать, дня два нам все-таки понадобится... Вот я вам привел товарища. Он живет неподалеку и утверждает, что уже все решил... Хм, хм, все-таки бывают и торопливые энты. Побродите вместе.

Фангорн ушел. Подошедший энт внимательно рассматривал хоббитов, а они пытались понять, в чем проявляется его «торопливость». Энт был молод, высок, с гладкой, глянцеви-той кожей и серо-зелеными волосами, гибкий, как стройное дерево на ветру, а голос его, хоть и глубокий, был выше и звонче, чем у Фангорна.

– Что ж, друзья, прогуляемся. Я – Брегалад, или Скородум, это, конечно, прозвище. Как-то раз я ответил старшему «да» прежде, чем он кончил свой вопрос, вот меня и прозвали Скородумом. Ну, пойдемте. – И он протянул хоббитам тонкие руки с длинными пальцами.

Весь день они бродили по лесам, смеялись и пели. Скородум любил смеяться: то солнцу, выглянувшему из-за тучи, то ручью или роднику, то шелесту деревьев. На ночь он привел их в свое жилище. Рябины окружали его, внутри были заросшие мхом камни и родник, как водится у энтов. Тихим печальным голосом рассказывал Брегалад:

– Рябины росли у меня в доме вместе со мной. Когда-то мы посадили их, чтобы порадовать наших жен. Но те лишь смеялись и говорили, что знают цветы белее, а плоды слаще. А мне они были милее всего. Осенью прилетали птицы и лакомились ягодами, я любил их, хотя они

и ссорились иногда. Потом они стали жадничать, обижали деревья, бросали ягоды на землю... А потом... Меня не было дома... пришли орки и срубили мои рябины. Я вернулся, я звал их по именам, а они даже не шелохнулись, не вздохнули в ответ...

*О, Орофарнэ, Лассемисто, Карнимириэ!
Рябина нежная моя, как ясен был твой взор,
И как светлел, прозрачно-бел, весенний твой убор!
Рябина гордая моя, как в кроне золотой
Пылал, играл, бездонно-ал, венец осенний твой!
Моя рябина, ты ушла, а я, осиротев,
Еще живу, и вновь зову, и слышу твой напев...
О, Орофарнэ, Лассемисто, Карнимириэ!*

Уже засыпая, хоббиты все еще слышали тихое пение Брегалада. Казалось, он на разных языках оплакивает своих погибших друзей.

Энты совещались два дня. На рассвете третьего их голоса достигли наивысшей силы, а потом разом смолкли. Наступил день, и солнце, уходя на запад, к горам, посылало из-за облаков длинные желтые лучи. Внезапно хоббиты поняли, что вокруг стоит абсолютная тишина. Лес молчал, напряженно вслушиваясь. Брегалад замер, глядя на север и пытаясь угадать, что решило собрание.

Сразу вслед за тем прокатился великий звучный крик: *ра-гумм-ра!* Деревья задрожали и согнулись, как под порывом ветра. Зазвучал ритм марша, как будто били в твердые и гулкие барабаны.

*Идем, идем под бой и гром:
Та-рунда-рунда-рунда-ром!*

Энты шли в их сторону; песня звучала все громче.

*Под гром и бой спешим на бой –
Та-руна-руна-руна-ром!*

Брегалад подхватил хоббитов на руки и поспешил навстречу.

Вскоре хоббиты увидели энтов, широкими шагами направлявшихся к ним. Во главе шел Фангорн. За ним попарно следовало около пятидесяти энтов, ритмично ударяя руками о бока. Когда они подошли, стали видны огненные вспышки в их глазах.

– Хууум, хом! Мы идем, мы, наконец, идем! – воскликнул Фангорн, завидя хоббитов. – Мы идем! Мы идем на Изенгард!

– На Изенгард! – закричали энты на множество голосов.

– На Изенгард! – С этим кличем колонна энтов двинулась на юг.

*На Изенгард! Его оплот
Могуч и холоден, как смерть!
На Изенгард! Вперед! Вперед!
Разрушим каменную твердь!
Идем, идем, идем на бой
Со злом, укрытым за стеной!*

*В ветвях клокочет сила сил,
Вскипает лиственный покров!
В сплетениях древесных жил
Пылает пламенная кровь!
На Изенгард! Да сгинет враг!
Мы смерть несем – за шагом шаг!*

С сияющими глазами Брегалад встал в строй рядом с Фангорном. Тот опять посадил хоббитов себе на плечи, и теперь они, гордо задрав носы, с колотящими сердцами, возглавляли колонну.

– Быстро энты решились, правда? – спросил Пиппин через некоторое время, когда голоса смолкли и были слышны лишь удары рук и ног.

– Быстро? – переспросил Фангорн. – Да, пожалуй. Быстрее, чем я ожидал. Я не видел их такими уже много веков. Мы, энты, не любим, когда нас будят, и мы никогда не поднимаемся, если только нашим деревьям и нашей жизни не грозит великая опасность. Такого не случилось в лесу со времен войны Саурана с Людьми из-за Моря.

– Вы действительно хотите сломать ворота Изенгарда? – спросил Мерри.

– Хо! Мы их обязательно ломаем! Вы, должно быть, не знаете, энты очень сильные. Слышали о троллях? Но тролли – лишь подделка под нас, созданная Врагом во время Великой Тьмы, как орки – подделка под эльфов. Мы сильнее, чем тролли. Мы – кости земли! Если наш разум пробужден, мы можем крошить камни, как крошат их древесные корни!

– Но ведь Саруман попытается остановить вас?..

– Хум, хм, а, да, это так. Я долго думал об этом. Но, видите ли, большинство энтов моложе меня на много древесных жизней. Теперь они пробуждены и думают только об одном: как бы разрушить Изенгард. Но они остынут, когда мы примем вечернее питье. А пока – пусть идут и поют! Перед нами долгий путь, а время для размышлений еще будет.

Фангорн шагал со всеми, и его голос присоединился к поющим. Но скоро он замолк, и Пиппин увидел печальный взгляд, печальный, но отнюдь не несчастный. В нем был свет, как будто зеленое пламя погружалось в глубины мыслей энта.

– Может быть, друзья мои, – медленно произнес он, – мы идем на смерть, быть может, это последний поход энтов, хум, хм. Но если бы мы остались дома и ничего не делали, смерть все равно нашла бы нас рано или поздно. Эта мысль давно зрела в наших сердцах, вот почему мы идем. Теперь хотя бы последний поход энтов будет достоин песни. Я бы хотел, – вздохнул он, – услышать песни о наших женах... Но песни как плоды, они поспевают в свой срок и своим чередом.

Энты шли на юг. Пиппин оглянулся. Ему показалось, что их становится все больше. Там, где должны были лежать пустынные склоны, были деревья – и они двигались! Могло ли быть так, что Лес Фангорна поднимался, шагая через холмы на войну? Пиппин протер глаза, думая, что спит, или игра теней обманула его. Но серые очертания продолжали свое движение. Ветви шумели, как под ветром.

Пала ночь, и настала тишина, лишь земля шуршала под ногами энтов и шелестела листва. Наконец они остановились на вершине высокого холма и посмотрели вниз, в глубину ущелья: перед ними лежала долина Сарумана.

– Ночь лежит над Изенгардом, – звучно произнес Фангорн.

Глава V

Белый всадник

Я продрог до костей, – Гимли отчаянно тер руки и топал ногами.

Час перед рассветом оказался особенно холодным. Наконец стало светать. Трое друзей приободрились и готовы были продолжать поиски. Гимли пытался разыскать следы ночного гостя.

– Если он оставляет следы, значит, не привиделся нам, а был на самом деле. Трава, правда, тут высокая, но Следопыту и сломанной травинки хватит, – заявил он. – Только не верю я, что этот старик следы оставлял. Не иначе как Саруман призрак к нам отправил. А теперь следит за нами, поди, прямо из Леса Фангорна.

– Может, и призрак, – ответил Арагорн, – но кони-то наши были настоящие. Как ты думаешь, Леголас, их что-нибудь испугало?

– Я бы так не сказал, – задумчиво произнес эльф. – Ржание, скорее, было радостным, как при встрече с кем-то или чем-то хорошо знакомым.

– Так и мне показалось, – подтвердил Арагорн. – Но загадка пока не решается. Светает. Пора поискать следы. Если наши друзья живы, то могут скрываться только в лесу. Если же следов нет, – он помолчал и со вздохом закончил, – придется обыскать поле боя и пожарище. Но тут надежды мало: всадники Рохана сделали свое дело слишком хорошо.

Искать следы начали около собственной стоянки. Ближайшее дерево скорбно опустило ветви, сухие листья поникли под резким восточным ветром. Арагорн постепенно перемещался в сторону ручья, к остаткам сторожевого костра Всадников, потом свернул к месту боя, прошел немного, остановился, нагнулся чуть не до самой земли, потом поднял большой, уже начавший вянуть бледно-золотистый лист *меллорна*.

– Смотрите! – позвал Арагорн. – Лориенский меллорн, на нем и на земле вокруг – крошки лепешек. А вот и перерезанная веревка.

– А перерезали ее вот этим, – добавил Гимли, извлекая из травы втоптаный в землю нож с коротким зазубренным лезвием. Неподалеку лежали сломанные ножны. Гимли с отвращением разглядывал рукоять с изображением косоглазого лица, оскаленного в жуткой ухмылке.

– Теперь совсем ничего не понятно! – воскликнул Леголас. – Пленник ушел и от орков, и от Всадников, и освободился орковым ножом. Это как же? Со связанными ногами ему бы не уйти, со связанными руками – не управиться с ножом. Если у него были свободны руки и ноги, зачем резать веревку? Но пусть он все это проделал. Так вместо того, чтобы удирать во все лопатки, он еще закусывает здесь же! Да не чем-нибудь, а эльфийскими лепешками. Значит, это мог быть только хоббит. А потом он защебетал и улетел, не иначе. Но у нас-то нет крыльев, чтобы искать его в небе.

– Колдовство, как есть колдовство, – твердо стоял на своем Гимли. – Все этот старик! А ты что думаешь, Арагорн? Может, еще что-нибудь найдешь?

– А я уже нашел, – улыбнулся Следопыт. – Здесь есть и другие следы. Леголас прав, конечно, это был хоббит и, как мне думается, руки у него были свободны. Так решение получается проще. Ведь орк *притащил* его сюда. Вот орочья кровь и следы копыт вокруг. Всадники убили орка и отволокли труп в костер. А вот хоббита не заметили, на нем ведь эльфийский плащ, а ночь была темной. Что же до его трапезы, то это понятно. Он просто не в силах был идти, не отдохнув и не подкрепившись. Хорошо, что у него оставались лепешки. Но я все-таки думаю, что их было двое, хотя и не уверен пока.

– Но почему один был связан, а другой нет? – недоумевал Гимли.

– Вот этого не знаю, не скажу. И зачем орк тащил их сюда, тоже непонятно. Хотя постоит... Боромира орки убили, хоббитов взяли как пленников, а нас не тронули совсем. Так не за ними ли была охота? Следы ведут в Изенгард. Вряд ли Саруман рассказал им о Фродо и о Кольце, не стал бы он так рисковать. Значит, у них был просто приказ: схватить *хоббитов*, причем живыми. Они его выполнили и со всех ног бросились обратно. Когда их перехватили Всадники, кто-то из орков, из тех, кто понимал, как нужны пленники его хозяину, попытался их уберечь, да не сумел. Во всяком случае, теперь можно быть уверенным, что один-то хоббит точно жив. Кроме как в лес ему некуда было деваться. Он не побоялся, не побоимся и мы. Возвращаться в Эдорас рано.

– Да уж не знаю, – покряхтел Гимли, – что хуже: забираться в Лес Фангорна или являться в Эдорас пешком.

– Значит, в Лес, – сказал Арагорн.

Новые следы обнаружились на берегу Энтовой Купели – слабые на твердой земле, но, несомненно, хоббитчи. Чуть дальше, на самой кромке леса, под огромным деревом, нашлось еще несколько отпечатков легких ног.

– По крайней мере один хоббит стоял здесь и осматривался, а потом направился в лес, – объяснил Арагорн.

– Придется и нам... – вздохнул Гимли. – Ох, как не нравится мне этот Фангорн!

– Мне Лес вовсе не кажется злым, что бы там ни болтали. – Леголас был уже на опушке. Он весь подался вперед, вслушиваясь и всматриваясь в зеленоватый сумрак. – Я слышу только эхо растревоженных чащ. Что-то случилось в глубине Леса или вот-вот случится. Чувствуете, как трудно дышать?

– Воздух густой, – согласился гном. – Как будто слежавшийся.

– Этот Лес так древен, что я чувствую себя молодым в нем. Он полон воспоминаний. Да... – мечтательно проговорил эльф, – здесь я мог бы быть счастлив. Эх, разве вы, дети, можете это понять!

– Вот чудной народ, – фыркнул Гимли. – Ну ладно, идем. С тобой никакой лес не страшен. Только лук держи наготове. Топор у меня всегда под рукой. Не для деревьев, – торопливо прибавил он, поглядев на сплетение сучьев над головой. – Вдруг опять тот старик встретится, будет с чего начать разговор.

Дальнейшие поиски еще больше их ободрили. Арагорн старался не забираться в лес, полагая, что хоббиты будут держаться поближе к воде, и оказался прав. Они вышли как раз к тому месту, где останавливались Мерри и Пиппин. На влажной земле возле самого ручья явственно отпечатались две пары маленьких ног.

– Наконец-то! – воскликнул Арагорн. Он внимательно изучил следы. – Это было около двух дней назад. И, похоже, от ручья они углубились в лес.

– Как мы будем искать их? – спросил Гимли. – Еще немного, и самое большее, что мы сможем для них сделать, – это умереть от голода.

– Если ничего другого не останется, – ответил Арагорн, – сделаем это. Пошли дальше.

Друзья долго блуждали по лесу, пока не наткнулись на грубо высеченное подножье лестницы, поднимавшейся на холм. Леголас предложил осмотреться с вершины.

– Я почти убежден, что хоббиты здесь были. – Арагорн шел медленно, тщательно исследуя ступени. – А вот чьи еще здесь следы – не пойму, хоть убей.

Они поднялись наверх и огляделись. Поверх древесных вершин открывался вид на ту же степь, по которой они недавно бежали.

– Мы сделали круг, – спокойно проговорил Леголас. – Нам бы выйти на берег на второй или третий день плавания, а не плыть до самого Порт Галена, тогда бы мы давно были здесь.

– Но мы сюда и не собирались, – возразил Гимли.

– Не собирались, но попали, и теперь понятно – почему. Это ловушка, – ответил Леголас и показал на что-то рукой. – Посмотрите вон туда...

Сначала они ничего не увидели, но вдруг Гимли приглушенно вскрикнул:

– Вижу! Я же говорил, Арагорн! Это тот же старик. Он в сером, поэтому я сразу не заметил.

Теперь и Арагорн видел старика в сером плаще и широкополой шляпе, неторопливо пробивавшегося по лесу, опираясь на посох. На вершину холма путник не смотрел. Появление человека обрадовало бы их в любое другое время, но сейчас все трое застыли в напряженном ожидании, каждый чувствовал приближение могучей силы, может быть, опасной...

Широко раскрытые глаза гнома неотрывно следили за приближавшейся фигурой. Вдруг он крикнул:

– Это Саруман! Стреляй, Леголас, не давай ему заговорить, он зачарует нас! Стреляй же!

Леголас неохотно поднял лук, медленно достал стрелу, но так и не вложил ее. Что-то мешало. Арагорн не двигался.

– Что же ты медлишь? – прошептал Гимли.

– Леголас прав, – сказал Арагорн, – кто бы это ни был, нельзя стрелять без повода, просто от страха. Подождем!

Тем временем старик добрался до подножия каменных ступеней и глянул вверх. Арагорн уловил блеск в глазах, но тень от полей шляпы скрывала лицо. Виднелись только кончик носа и край бороды.

– Добрая встреча, друзья мои, – услышали они. – Мне нужно поговорить с вами. Вы спуститесь или мне подняться? – и, не дожидаясь ответа, старик стал подниматься по ступеням.

– Да стреляй же, Леголас! – отчаянно крикнул Гимли.

– Разве я не сказал, что хочу говорить с вами? Опусти лук, доблестный эльф, – прозвучал властный голос. Рука Леголаса, державшая оружие, безвольно опустилась. – И ты, отважный гном, оставь топор. Он не понадобится.

Гимли стоял как статуя, не в силах шелохнуться, и смотрел, как легко перешагивал ступени загадочный старец. На миг ему показалось, что между складками плаща мелькнуло что-то ослепительно белое, но только на миг.

– Добрая встреча, – повторил старик. Теперь он стоял, опираясь на посох, в нескольких шагах перед ними, и глаза его из-под широких полей шляпы цепко всматривались в их лица – Как это вас занесло сюда? Эльф, гном и человек, да еще в эльфийских плащах. В здешнем лесу такое не часто увидишь. За этим наверняка скрывается история, которую стоит послушать.

– Вы, похоже, хорошо знаете Лес Фангорна, – заметил Следопыт.

– Чтобы узнать его, одной жизни мало, – ответил старик. – Я бывал здесь.

– Может, вы все-таки назовете себя и скажете нам то, что собирались? – попросил Арагорн. – Скоро полдень, а нам надо спешить. У нас срочное дело.

– Я ведь уже сказал вам, что хотел: услышать, кто вы и куда так спешите. Что же до моего имени... – тут пришелец негромко рассмеялся. Арагорн вздрогнул от неожиданности. Он мог бы поклясться, что слышал этот смех раньше. – Имя... – продолжал меж тем старик. – Вам приходилось слышать его и раньше, могли бы и вспомнить. А пока поведайте мне наконец, что привело вас сюда Видя, что они молчат, он заговорил снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.